

Ирина Лазарева

ЗАГОВОРЕННЫЕ

Ирина Лазарева
Заговоренные

«Автор»

2014

Лазарева И.

Заговоренные / И. Лазарева — «Автор», 2014

В уединенном мире Баллии Сейвина, древний дух, утратила все свои былые способности, она полностью зависима от своего супруга, правителя Баллии. Сейвине не дает покоя прошлое ее благоверного, и она догадывается, что он многое скрывает. Она отправится в мир людей, чтобы найти там поддержку в борьбе против повелителя Баллии. Чтобы узнать, кто тянет за веревки, нужно самой отклониться от курса. Откуда пришли баллины в их мир и какова их цель? Как остановить распространение их влияния на земле? Однажды Сейвине удалось противостоять баллинам, получится ли теперь? Обложку оформила Ирина Севирина

© Лазарева И., 2014

© Автор, 2014

Ирина Лазарева

Заговоренные

Глава Первая

Велибор, правитель обширных земель, объединенных в государство Радио, одиноко стоял на холме, оглядывая окрестности. Его войско готовилось к битве, ведь с севера к ним шли чудские рати, вторгнувшись в их земли. Смотря на неровную долину, очерченную стеной дремучего леса с одной стороны и склонами гор с другой, он не мог не чувствовать, сколь знакомо все было, будто однажды он уже стоял именно здесь и готовился именно к этому сражению. В глубине души зарождалась неясная тревога; он будто предвидел, что в грядущей битве будет совершена какая-то непоправимая ошибка.

Возможно, что воспоминания о войне десятилетней давности с другим государством, Витигией, смутили его сейчас. Но та война закончилась победой для Ради, разгромом неприятеля и захватом части вражеских земель. Велибор посмотрел еще раз внимательно на молчаливые пики гор, как крепости, возвышающиеся вдали.

В этот момент к нему подошел один из его сотников. Во взгляде этого нескладного долговязого человека чувствовалась нерешительность, словно он заранее извинялся за то, что сейчас скажет:

– Пришел какой-то старик, не знаю, как его пропустили в стан, и, тем более, как пустили ко мне. Он просит слова, утверждает, что принес вести о враге, и все время твердит о какой-то опасности, – выложил Данакт.

– Как его могли пустить к тебе? – сухо спросил Велибор. Темно-русые брови его сдвинулись. От природы удивительно добрые глаза сейчас смотрели на сотника сурово. – Ты веришь, что какой-то спятивший старик узнал вот так просто о замысле неприятеля?

– Я скажу, чтобы шел своей дорогой, – ответил Данакт, опустив виновато глаза.

Вдруг Велибор увидел высокую фигуру старика вдали. Он стоял, не двигаясь, рядом с двумя другими сотниками и смотрел прямо на него, Велибора, словно несколько не боялся его. Где-то в глубине души вновь пробудились неясные тревожные предчувствия. Допустит ли он трагическую ошибку, не выслушав незнакомца?

– Стой! – крикнул он Данакту, уже направившемуся к старику. – Я передумал.

Старика привели к Велибору в шатер. Вблизи он поразил правителя своей неопрятностью: длинная седая борода была спутана, как были спутаны и длинные белые волосы. От его грязной одежды шел неприятный не просто старческий, но даже какой-то тухлый запах. Из-за спутанных волос и бороды лица было почти не видно, лишь тусклые глаза виднелись, да острый нос. Когда он заговорил, Велибор отметил про себя, что и голос старика был скверным, раздражающим. Незнакомец начал было благодарить правителя за то, что тот согласился выслушать его.

– Ближе к делу. – Сухо оборвал его Велибор.

– Милостивый государь, чудской правитель готовит вам западню. Через горы есть тайная тропа, по которой несколько их ратей выйдет на равнину прямо в тыл, чтобы окружить вас.

– Как ты узнал об этом, отец? – спросил Велибор, внимательно следя за движением его рук, губ, тщательно прислушиваясь к изменением его голоса. Последнее слово его «отец» должно было скрыть недоверие Велибора, однако оно прозвучало, наоборот, неестественно, подчеркивая его настороженность.

На миг Велибору показалось, будто тень недовольства пробежала по лицу старика, словно этот вопрос был ему крайне неприятен.

– Все просто: меня и других старцев взяли в плен при захвате нашей деревни и привели к чудскому сотнику. Они выпытывали у нас расположение гор и рек, и как к вам лучше всего подобраться. Тут один из нас и рассказал о тайной тропе, о которой почти никто не знает, видимо, испугавшись, что нас будут пытаться. Мы пошли в горы вместе с их дружиной, чтобы показать, где ее начало, ведь сотник хотел убедиться, что его не обманули. На обратном пути я притворился немощным, меня стали толкать и пинать, заставляя идти быстрее; после одного из ударов я упал и покатился вниз по склону. Увидев, что я лежу недвижим, они решили, что я скончался, и бросили меня там. А я сразу же после их ухода встал и зашагал к вам, ибо не предатель я, и верен родной земле и своему правителю.

– По тебе незаметно, что тебя сильно избили. И как же ты после их ударов, да падения со склона смог не только выжить, но еще и прийти ко мне и держаться передо мной так бодро? – Подозрения Велибора усиливались, и он уже стал жалеть, что потратил свое время на незнакомца.

– Я не так немощен, как мне положено по возрасту. И был когда-то воином, стало быть, и не такое стерплю ради дела. Мой правитель, я знаю, как вам обыграть чудь. Даже посвященные в тайну горной тропы не знают, что если свернуть в южной ее части, можно подняться намного выше в горы над тропой, и уже оттуда обрушиться на чудские рати. С этого положения они не смогут оказать никакого сопротивления; вы тут же разгромите их. Только выходить нужно прямо сейчас, дорог каждый миг; враг наверняка уже идет по этой тропе.

Велибор взволнованно ходил по шатру, теребя бороду. Что-то во всей этой истории не сходилось; не было правды в словах старика. Однако он должен был не только отказать ему, но и принять меры, чтобы чудь не подошла к ним с тыла, на случай, если все-таки весь рассказ был не выдумкой.

– Мы не пойдем по тайной тропе, – отчеканил он, наконец, ничего не объясняя, – ты можешь идти. – А про себя правитель подумал, что за стариком нужно отправить кого-то, чтобы следили за каждым его шагом.

Незнакомец пожал недовольно плечами, глядя на широкую спину Велибора, отвернувшегося от него теперь.

Данакт стоял неподалеку от шатра, готовый в любую минуту по приказу Велибора выдворить старика из их стана. Теперь он уже сам не мог понять, как мог допустить какого-то подозрительного незнакомца до своего правителя. Сейчас он был уверен в том, что ничего хорошего из этого не могло выйти. К нему подошли Мечеслав и Изяслав.

– Старец этот спятил, я так думаю, – рассуждал Данакт. – Спятил и морочит голову нам всем.

– Кто знает, может быть, он как раз мыслит здраво, – хмуро отвечал Изяслав. – Его наверняка послали к нам.

– Откуда вам знать, что он непременно обманывает нас? – вступился неожиданно Мечеслав за старца. – Старый человек, зачем ему предавать родную землю? – говорил он вкрадчивым голосом. – Не думаю, что ему нужны богатства или почести под конец жизни. Чем его могли купить?

– Уж очень мне не нравится то, как ты защищаешь этого человека, – зло сказал Изяслав Мечеславу.

– К чему клонишь? – ответил тот, надвигаясь на Изяслава, словно готовый броситься в драку.

Тут из шатра вышел Велибор, прервав начинающуюся ссору, а следом за ним захромал старец. Вид у Велибора был подавленным, лицо его посерело, скулы были сжаты от напряжения, глаза не блестели, весь он изменился, словно его осыпали серым порошком. Старик же, напротив, едва скрывал свое довольство.

– Несколько ратей пойдет через горное ущелье, через тайную тропу, я тоже пойду, вместе с вами. – сказал Велибор в ответ на вопрошающие взгляды своих сотников.

– Но Велибор, как же так?! – воскликнул Изяслав, – это верное безумие, мы не можем положиться на слова этого незнакомого человека! Не спеши с решением, давай все обсудим.

– Что он такого поведал тебе? – спросил Данакт следом, – Мы должны знать.

– Вы не должны знать ничего! – резко отрезал Велибор, – здесь пока я принимаю решения, а вы обязаны исполнять их. Никаких обсуждений, мы выступаем немедленно. Ночью мы разобьем врага.

Казалось, Велибор был непреклонен, потому сотники не стали далее спорить. Мучителен был только вопрос, что же такое старец мог поведать Волибору, чтобы так изменить его планы: видно, Чудь готовила что-то страшное для них в предстоящей битве.

В темноте были видны лишь очертания идущих впереди коней, да всадников на них; далее все предметы растворялись черным пятном, и все сливалось: и скалистые стены гор, и каменный грунт под ногами, и темное бездонное небо. Огни не жгли, чтобы не привлекать ненужное внимание, ориентироваться приходилось лишь по силуэтам впереди идущих воинов. Вел их по тропе старец, он ехал впереди, с ним был Мечеслав, Велибор отправил его, чтобы следить за их проводником. Данакт и Изяслав ехали по центру колонны, рядом с Велибором. Путь через скалы то спускался вниз, подвергая их особой опасности, то поднимался наверх, давая им преимущество. Он был долог и утомителен, и тогда действительно казалось, что эту тропу никто бы не нашел сам, уж слишком замысловатой она была. Быть может, темнота сбивала с толку, а быть может, так оно и было на самом деле. Впереди их ждала жестокая резня, чудским коварным замыслам не суждено было сбыться. Так думал Данакт, тревожно вслушиваясь в пыхтение коней и глухой стук копыт о камень.

Когда они вновь спустились в низину, тишину рассекли резкие звуки, похожие на короткий свист, а затем послышались глухие удары, будто тяжелые мешки стали падать откуда-то. Данакт не сразу понял, что это их воины падали с коней, а свист был – свист стрел, обрушившихся на них откуда-то сверху. Получилось так, что они оказались в совершенной низине, словно на ладони у врага. Данакт тут же поскакал к Велибору, чтобы спросить, что делать теперь, идти ли вперед, бежать ли назад, ведь от него не было слышно, их просто обстреливали со всех сторон. Велибор, к его изумлению, продолжал ехать вперед молча, будто ничего не произошло. Данакт схватил его за плечо и повернул к себе, заглянув в его лицо, ставшее почему-то сейчас таким равнодушным, что даже в темноте этого невозможно было не заметить.

– Велибор, почему же ты не отдаешь приказа? Посмотри только – наши воины не знают, что делать, нас всех сейчас уничтожат! – вскричал Данакт, тряся его за плечо. Тут же подскочил Изяслав.

Велибор устало посмотрел на них и... растворился в воздухе, словно его здесь и не было. Изяслав и Данакт посмотрели друг на друга в растерянности, пока первый не прокричал, наконец:

– Да все это время это был не Велибор, а его видение! Этот старикашка что-то сделал с Велибором!

Данакт поскакал во весь опор вперед войска, чтобы схватить предателя-старца, а Изяслав повел редящие на глазах рати назад, чтобы спасти хотя бы их часть, как если бы это было возможно. Но как только Данакт нашел Мечеслава, скакавшего назад вместе с другими воинами, старца уже и в помине не было.

– Где старик? – прокричал Данакт.

– Это был не просто старик, а какой-то колдун! Я схватил его за бороду, чтобы он не ушел, но он тут же скинул и бороду, и волосы, и одежду, и поскакал к Чуди. Я запустил ему стрелу в спину, да он и растворился в воздухе, словно его и не было, лишь конь его скакал дальше.

– Это видение! – прошептал Данакт в отчаянии.

Только вот крики гибнущих их воинов, да свист стрел, да рев врага, да топот их конницы – были не видением, а самой настоящей действительностью, и завтрашний день они уже не встретят, – мысль пронзила Данакта, как удар ножа, резко и болезненно. И все равно надо было действовать.

Светало, и в воздухе разливался алый рассвет, вместе с запахом ран, крови, стонов и боли. Ночь выдалась нелегкой, но достаточно веселой, пусть и не удалось чудским правителям достичь всего, что было задумано. Возгар и Говена, его супруга, после недолгого сна, снова были на ногах, чтобы определить дальнейшие свои планы по продвижению в глубь Радии. Оба они были высокими, худыми, жилистыми и сильными, словно созданными для войны. Возгар не был красавцем: слишком желта была его кожа, слишком черны волосы да глаза, а темные густые линии бровей были слишком несуразными и придавали лицу какой-то смешной, чуть ли не глуповатый вид. Что же касается его супруги, то и она не отличалась ни изяществом, ни красотой: глаза ее были большими, но слишком выпученными, а брови слишком резкими, да и все в облике ее было резким, сухим, желтым. Другими словами, они так хорошо подходили друг другу даже внешне, что сложно было представить их порознь. Возгар стал править чудской землей в молодости, когда последнего правителя убили во время восстания, тогда советники посадили его на престол как внучатого племянника, дабы управлять им и пользоваться его неопытностью. Он к тому времени уже был женат на Говене. Ни он, ни она не могли предвидеть, что так резко они станут вознесены в один день, однако именно так случилось, а далее невероятная хитрость и прозорливость его супруги помогла Возгару добиться безграничной власти над чудской землей.

Сейчас они прогуливались по лагерю, осматривая ряды пленных и раненых из их войска, коих было немного; раненых же воинов Радии не было, так как их было приказано уничтожить на месте.

– Половина ратей Радии все же спаслась, – недовольно сказал Возгар.

– И все-таки их полегло достаточно много, – легко отвечала ему Говена.

– И все равно я не понимаю, они ведь были у нас как на ладони, да в панике и темноте, как они смогли так быстро собраться и отступить? – продолжал вопрошать Возгар.

– Должно быть, сотники Велибора тоже что-то стоят, – пожала плечами Говена.

– Думаешь, нам нужно было переманить на нашу сторону как можно больше из его людей?

– Вряд ли это было бы разумным. Чем больше людей мы бы вовлекли, тем выше риск того, что кто-то выдал бы нас, и тогда в ловушку попали бы мы сами.

Немного помолчав, Возгар продолжил расспросы:

– Как же быть с Некромантом?

– До Некроманта мы доберемся, – недовольно ответила Говена.

– Что же он замышляет, зачем он не отдал нам Велибора, как было условлено, зачем перенес его к себе в замок? В чем его выгода теперь? – Возгар продолжал рассуждать, надеясь, что его хитроумная супруга предвидит все на несколько шагов вперед и ответит на все вопросы.

– Хотелось бы верить, что он так поступил, чтобы вынудить нас заплатить ему обещанные суммы. Так для него намного вернее. Вряд ли есть какой-то тайный смысл для него в том, чтобы пощадить Велибора. И все-таки меня беспокоит несколько иное. Этот Некромант, хоть и не имеет реального войска, земли или ресурсов, уж больно сильной магией обладает. Такой трюк, какой он проделал вчера, проделать он может с каждым. Нельзя сосуществовать со столь сильными соседями. Лишь только захватим Радию, нужно будет и до его Темного Замка добраться.

– Бедный-бедный Чернек, – ухмыльнулся Возгар, – моя свирепая женушка никого не пощадит.

– А нужно ли? – рассмеялась Говена.

После этого Говена завела супруга в шатер и сказала:

– У меня для тебя кое-что есть! Получила сегодня утром, но решила дождаться подходящего момента. – она протянула ему небольшое аккуратное письмо.

Возгар быстро прочел его и нахмурился.

– Подумать только, опять этот проныра из Лютевита объявился. Его запросы растут с каждым днем. Как можно просить такую цену за какое-то заклинание?

– О нет, любимый мой, это заклинание стоит гораздо больше, чем то, что этот глупый ничтожный человек просит за него. А главное, магия Лютевита поможет нам в противостоянии не только с Радией, но и с Темным Замком.

Судя по всему, Говена уже праздновала в душе победу над всеми противниками, в мыслях своих сильно опережая ход событий. «Поистине алые дни наступили для вражеских земель», – говорила себе преждевременно ликующая чудская правительница, «такого густого багрового цвета, цвета заката».

Сейвина была красива той необыкновенной живой красотой, которая словно вбирает в себя все краски живой природы и возвращает их в стократном размере.

Медленно перевернувшись на спину, она открыла глаза и стала разглядывать древние арки и росписи на потолке из белого камня, самого крепкого на земле, месторождения которого были давно потеряны; даже они, баллины, «белые боги», в переводе с древне-баллийского, утратили знания о том, где добывался этот древний, с виду непримечательный и ничем не выделяющийся камень. В память о нем остались только дворцы в Баллии – все они были созданы из него, стояли они уже несколько тысяч лет, и столько же лет могли простоять без единого намека на разрушение. Сейвина лежала на огромной кровати, вторая половина которой пустовала: ее супруг, правитель Баллии, Духовлад, уже давно был на службе. Очень часто они засыпали и просыпались в разное время.

Сейвина прочла древние заклинания, аккуратно высеченные на потолке: она уже не помнила, что означали эти слова: столько лет прошло с тех пор, как они воздвигли эти замки; помнила только, что эти заклинания должны были защищать стены от недобра; и они исправно служили им, дай бог памяти. А ведь в людских землях уже давно не существовало настоящей магии, если не принимать во внимание чернокнижников, некромантов и знахарей: но разве могли их слабые заговоры равняться с тем великим, чем когда-то владели они, баллины? Сейвина встала с кровати и надела белый кружевной сарафан, не скрывающий худобу ее плеч; она беспокойно зашагала по просторной комнате, выглядывая в длинные, до самого пола, окна и окидывая взглядом их город, купающийся в лучах просыпающегося солнца. Лишь один Духовлад сохранил свои способности: ему было подвластно все в этом мире, все живые и неживые существа, все духи и все боги; через тысячелетия он пронес свое могущество, и не утратил из него ни капли; это как ни что другое доказывало, что он был величайшим и самым сильным из всех баллинов, которые когда-либо жили на свете.

Город медленно просыпался: улицы немного оживлялись. Здесь жили баллины и духи стихий, помощники богов. Занятий у всех было не так много: их маленький мир был давно обустроен, и древние заклинания по-прежнему работали на весь город. Население росло очень медленно: баллины, хотя и были большею частью в браке, редко решались на рождение детей. Духовлад объяснял это тем, что они избаловались за долгие годы одиночества и стали слишком эгоистичными, чтобы добровольно возлагать на себя ответственность за рождение и воспитание ребенка, пусть этот период и занимал очень малое время в сравнении с вечностью, которая составляла их жизнь. Сами Духовлад и Сейвина жили в браке почти столько, сколько

она себя помнила, но у них до сих пор не было детей, что было весьма ироничным, учитывая то, какими способностями она обладала в прошлом.

День Сейвины по большей части сводился к тому, чтобы ждать возвращения супруга домой. Редкими исключениями были встречи в городе со старыми знакомыми, которые могли поведать ей о последних слухах. Вот и сегодня она была взбудоражена вестями, которые услышала во время прогулки по городу. И какими бы глупыми Сейвине ни казались собственные переживания, ей не терпелось обсудить их с мужем. Она сама не знала, зачем ей говорить с ним об этом; и в то же время ей думалось, что если она не обсудит эти вести с ним, то ей будет совершенно нечего сказать ему. Чем больше они жили вместе, тем более бессловесной она становилась.

Ближе к вечеру Духовлад вернулся домой и прошел почти сразу в библиотеку, где, он точно знал, найдет ее. В темной просторной комнате она сидела в самом дальнем углу за массивным столом при неярком свете свечей, изучая старинные пергаменты. Темные локоны скатились по плечам, а голова была слегка опущена, белое кружево ее сарафана чуть спадало с правого плеча. Сейвина вздрогнула, когда он обнял ее со спины.

– Сейвина, нам пора идти на празднование к Хотену и Нежане. Я вижу, ты еще не собралась.

– Духовлад, я весь день тебя ждала, хотела расспросить тебя о том, что сегодня услышала в городе. – Перебила она его, будто совсем не слушая. – Это правда, что развязалась новая война?

– Опять! – внезапно зло воскликнул Духовлад, отпрянув от нее. – Ты опять сплетничаешь за моей спиной?

– Сплетничаю? – начала инстинктивно оправдываться Сейвина, – разве сплетничаю? И как же за твоей спиной, когда я иду к тебе первому с вопросом об этом. Почему ты не ответишь мне? Началась война опять?

– Не отвечу, – вновь зло промолвил Духовлад. – Тебя это никак не касается. Зачем тебе знать это? Хочется будоражить свои нервы тем, что к тебе не имеет отношения? Переживать о том, с чем ты никогда сама не столкнешься? И кто вообще распускает эти слухи? Кто тебе сказал об этом?

– Никто не говорил, – голос Сейвины слегка дрогнул, – я услышала разговоры в городе, но я не знаю, кто были эти баллины.

– Я хочу знать, кто они были, – продолжал требовать Духовлад, – я должен пресечь подобные слухи раз и навсегда.

– Я, правда, не знаю, кто они были, – Сейвина повторяла, стараясь не навлечь гнев супруга ни на кого. Она прекрасно знала, что и не за такое можно было быть высланным из Балии.

Духовлад подошел к ней вновь и больно стиснул ее плечи руками, злясь уже больше именно на нее за непослушание.

– Мы условились однажды, что в обмен на жизнь людям ты и все твои сородичи навсегда отходите от их дел. Я выполнил свои условия и жду от тебя соблюдения моих требований, сколько бы времени ни прошло с тех пор. Разве это был не честный уговор? Разве речь шла о том, что можно изменить условия?

– Вполне честный, – вздохнула Сейвина, стараясь, чтобы голос ее звучал как можно более искренне. – Нет, менять ничего не нужно.

Правитель Балии успокаивался так же мгновенно, как и приходил в гнев. И сейчас он уже не злился, он убрал руки с ее плеч и спокойно сказал:

– Я рад, что ты так быстро признаешь свою неправоту. Разумность всегда была одним из твоих самых сильных качеств.

Как удачно было, что Сейвина до сих пор сидела спиной к нему, потому как от этих слов она неприязненно поморщилась. А Духовлад между тем развернулся и пошел прочь из ком-

наты, и он бы уже вышел, если бы Сейвина не остановила его новым отчасти нерешительным вопросом.

– Духовлад, разве ты любишь меня еще?

Он повернулся к ней. Она встала со стула и посмотрела прямо на него.

– С тобой все в порядке? Ты не заболела? – Он спросил, однако, не слишком заботливо, скорее раздраженно, – Разумеется, люблю. – Так же раздраженно ответил Духовлад. Затем он усмехнулся уже более снисходительно: – Поверь, если бы не любил, мы бы давно не были вместе. Вспомни только, скольким я поступился, чтобы ты стала моей женой.

– Я прекрасно помню. Однако столько времени прошло, и говорят, что с годами быт съедает чувства.

– Говорить можно все, что угодно. Зачем ты повторяешь за другими их глупости? Мне совершенно не ясен смысл этих слов. Да и какими вообще должны быть чувства, чтобы быт или время могли их стереть?

Неприятный осадок от начала разговора сразу сгладился, и Сейвина была рада, что задала последний вопрос.

Духовлад сделал было шаг прочь, однако еще раз повернулся к ней и сказал:

– Ты слишком много времени проводишь дома. Проводи больше часов на улице. Это одиночество и скука заставляют тебя требовать снова и снова заверения в любви. Вообще, все женщины именно поэтому задают эти вопросы изо дня в день. Мужчине, который занят делом, и в голову не придет спрашивать подобное. Разве я спрашивал тебя когда-либо об этом? И не спрошу. Ведь я знаю ответ.

На этом Духовлад вышел из библиотеки. Сейвина улыбнулась про себя его словам: как он мог знать ответ, если даже она уже не была ни в чем уверена. Вскоре она тоже пошла в свои покои, ведь и правда пора было собираться на празднование к Хотену и Нежане.

Родоград, главный город Ради, был наполнен тревожными и скорбными вестями: в первой же битве их войска были разбиты, особенно много воинов полегло при переправе через горы. Но и это была еще не самая тягостная весть; молва распространялась скорее, чем ветер, и уже было невозможно скрыть, что Велибор пропал прямо из своего воинского стана. Слухи ходили один более несбыточный, чем другой, и уже трудно было разобраться, что же произошло на самом деле.

Во дворце советники вновь собрались; в минувшие два дня они постоянно собирались, но ни к чему путному прийти не могли, так как у них было слишком мало сведений, а те, что были, были слишком мутными и более походили на вымысел. В этот раз, однако, Добронег держал в руках письмо, и руки его немного дрожали. Никто не читал его еще, потому все с нетерпением ждали, когда Добронег сообщит им, что за вести к ним пришли на этот раз.

– Поистине весьма чудное письмо получил я сегодня, – начал Добронег, теребя свою длинную седую бороду, – послание это за подписью... правителя Темного Замка.

– Некромант?! – воскликнули все сразу.

– Что ему нужно от нас? – в гневе спросил Ружик. – Нельзя верить ни единому его слову; говорят, он давно не человек.

– То, что он пишет, приходится брать на веру, – мрачно произнес Добронег. – Он пишет, что это он похитил Велибора из его стана. Это он устроил ловушку для наших ратей. Если бы не этот гнилой чернокнижник, чужь была бы уже отброшена назад в свои земли.

– Что он сделал с Велибором? – перебили его советники.

– Некромант заявляет, – продолжил Добронег, – что Велибор *пока* жив, однако сие может поменяться, ибо если мы не выполним его условия, он предаст Велибора мучительной казни, или же, что еще хуже, обратит его.

– Быть такого не может! – Зарычал Сбын. – Мы не допустим этого, правда ведь, Добронег?

– Именно это мы и должны сейчас обсудить, – отвечал терпеливо Добронег, – Некромант уверяет нас, что вернет нам Велибора живым и невредимым, если мы отдадим ему во владение наши южные горы со всеми приисками. Он также пишет, что если мы отдадим их по-добру, он все равно их захватит в ближайшие дни. Будто бы у нас нет выбора.

– Другими словами, мы все равно потеряем эти земли, однако у нас есть возможность спасти Велибора? – переспросил Ружик.

– Кому вы верите, – встрял Сбын, – Чернокнижнику? Некроманту? Его слово ничего не стоит! Отдадим ему земли, а он все равно обратит Велибора. Нет, это его очередная хитрость. Вспомните, что он провернул еще два дня назад? Обманом заставил наши рати пойти прямо в руки чуди.

– Ты предлагаешь не оставить Велибору возможности выжить? – спросили другие советники.

– Я ничего не предлагаю. Однако идти на поводу у чернокнижника – не тот путь, который бы выбрал Велибор, будь он здесь.

– Мы могли бы собрать новую рать и отправить ее на Темный Замок, чтобы вызволить Велибора. – Сказал задумчиво Ружик

– Да где же ты соберешь эту рать? На севере нас разгромили, нам туда нужно силы бросать, иначе не будет больше Радии.

– Но Некромант все равно намерен захватить наши южные земли, так почему не отдать их ему сейчас в обмен на жизнь нашего правителя? – не унимался Ружик.

Добронег все это время печально смотрел, как спорят советники, стараясь не вмешиваться.

– Как же он их захватит? – засмеялся Сбын, – у него, что собраны войска? И где он их мог собрать? Он преднамеренно запугивает нас, пытается даром заполучить наши ценные земли. Я говорю, нельзя ему отдавать их, нельзя ему верить.

– Если все так считают, что же тогда, у Велибора нет ни единой надежды на спасение? – спросил укоризненно Ружик.

Все в ответ потупили взоры.

Добронег уныло побрел в свои покои после совета; после всего ему казалось, что он еще никогда не чувствовал себя столь разбитым, а ведь ему столько пришлось увидеть на своем долгом веку. В переходе он столкнулся лицом к лицу с Зорицей, матерью Велибора. Это была полноватая круглая женщина, и раньше выглядевшая много старше своих лет, а сейчас совсем подурневшая.

– Есть ли какие-то вести о моем сыне? – с надеждой в голосе заговорила она, – прошу, не томи меня.

– Матушка, пройдем скорее ко мне, ни к чему обсуждать это здесь, где нас услышат.

Когда они оказались в его покоях, Зорица ринулась к Добронегу и чуть было не вцепилась в его бороду:

– Говори! Говори! – вскричала она отчаянно.

– Матушка, его схватили в плен, и требуют непомерный выкуп. Мы не сможем ничего сделать.

– Что за выкуп такой, что мы не можем его собрать? – спросила Зорица, – я заставлю весь наш род отдать все, что у нас есть, мы соберем любую сумму. Ради Велибора никто не покусится.

– Если бы дело было только в деньгах, – печально вздохнул Добронег, – но враг просит отдать ему наши самые богатые земли. Велибор бы никогда не пошел на это. Боюсь, ничего нельзя сделать.

– Что же будет с моим сыном? Он будет гнить в темнице?

– Хуже. Или, быть может, лучше. Ему уготована казнь.

Теперь женщина не вскрикнула, и даже не потеряла сознание. Ум ее не мог постигнуть неотвратимость такого исхода. Она не могла двинуться с места, ей казалось, что сейчас Добронег непременно скажет что-то еще, что полностью опровергнет его же предыдущие слова, и все наладится, а Велибора вызволят из плена. Но он молчал.

– Ведь это мой второй сын. Я не могу потерять *второго* сына. – Промолвила наконец она.

– Я знаю, знаю... – отвечал советник, опуская глаза, – Но мы не можем вести переговоры с врагом, ему веры нет. Он наверняка обманет нас, и все будет впустую. Да и мы сейчас в таком положении, что не можем разбрасываться владениями. На севере наши земли грабят чуждые захватчики, наша главная цель сейчас дать им отпор, нельзя разорвать наши земли на куски, иначе от Радии ничего не останется.

Когда Зорица ушла, Добронег упал в кресло и закрыл глаза. У него духу не хватило сказать ей главного: казнь была лучшим из того, что Некромант мог сделать с Велибором.

Через два часа Сейвина и Духовлад уже были в доме старшего советника правителя Хотена и его невероятно стройной и легкой супруги Нежаны, которые встречали гостей у входа, по традиции, на лестнице, ведущей внутрь. Они праздновали годовщину своего брачного союза. Платье Нежаны было словно соткано из воздуха: настолько невесомым казался подол и лиф из тончайшего шелка. Хотен, и без того непривлекательный, с закрытым взглядом и сжатыми чертами лица, на фоне прекрасной жены совсем терялся.

В Баллии большинство со временем рано или поздно находили свою родственную душу и заключали брачные союзы: мало кто готов был встретить вечность в одиночестве. Дети редко рождались и быстро вырастали, потому родители вновь оставались одни – такой уклад жизни был типичен для баллинов. Здесь на праздновании тоже были только пары, особенно в начале праздника это бросалось в глаза: по прошествии времени пары разбились, и женщины стали болтать без умолку друг с другом, поделившись на группы, равно как и мужчины, которые также что-то оживленно обсуждали друг с другом. Сейвина быстро передвигалась от группы к группе, со всеми обмениваясь любезностями, сама же на деле старалась не пропустить ничего любопытного в разговорах женщин. Однако тему войны никто не поднимал; она, разумеется, понимала, что это было бы странно, ведь все, что касалось людских дел, никогда не обсуждалось в Баллии, во всяком случае, открыто, однако надеялась, что у самых легкомысленных язык все-таки развяжется.

Как раз тогда, когда Сейвина заметила на себе пристальный взгляд Духовлада, следившего за ней издали, до ее локтя кто-то дотронулся. Обернувшись, она увидела Велеса, своего старинного друга. Он ничуть не изменился с момента их последней встречи, подумала она. Невысокий, но крепкий, он выглядел все так же потрепанным силами природы: кожа его была загорелой до красноты, оттого казалась сухой и морщинистой, а сам он выглядел постаревшим, словно он давно был человеком. В противовес всем этим неухоженным чертам глаза его были необыкновенными, с чуть раскосым разрезом, такого теплого зеленого оттенка; они грели; от них невозможно было отвести взор.

– Дорогой, милый Велес! – воскликнула она, и они обнялись как брат и сестра, в тот же миг рука его незаметно скользнула в карман, спрятанный в складках ее платья, и карман сильно отяжелел от попавшего в него предмета.

– Привет от Скритека. Я выполнил твою просьбу, какой бы дикой она ни была, – сказал он, широко улыбаясь, чтобы никто вокруг ничего не заподозрил. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Поверь мне, мои умыслы не столь коварны. – Отвечала она легко.

– Хотел бы я в это верить. Сейвина, я не могу понять, почему в последнее время ты стала столь ветреной и легкомысленной. Ужели это та Сейвина, которую я знал когда-то: какими взвешенными были твои решения во время нашей первой и последней войны. Тогда бы ты не стала рисковать ничьими жизнями ради неизвестного.

– Ты вспоминаешь о временах, с которыми нас разделила вечность. – Прохладно отвечала Сейвина. Выражение лица ее против воли постепенно менялось с радостного на унылое.

Они шли по залу рука об руку, когда Велес сказал:

– Есть вещи, которые время изменить не в силах. Помни, что гласит одна старая поговорка: не буди лихо, пока спит тихо.

В этот момент Сейвина нахмурила брови, повернулась лицом к нему и немного раздраженно спросила его:

– А спит ли лихо, если оно тихо?

– Что? – переспросил Велес, недопонявший ее вопрос. Как раз в это мгновение над ними нависла мощная фигура Духовлада.

– Старый добрый друг, – промолвил он, усмехаясь, – кто бы мог подумать, что ты оставишь свою лесную свободу ради наших домов-темниц. Надолго ли к нам? – спросил тот, пристально разглядывая Велеса.

– Как и всегда до этого, совсем не надолго. – Он отвечал ровно, словно не слышал издевки в словах Духовлада, – хотелось повидаться с городскими жителями. Уже завтра отправляюсь обратно.

– Что же, жаль, баллинам ты уделяешь времени намного меньше, чем зверям. – Затем он обратился к Сейвине, – сейчас заиграет музыка, а я очень давно не танцевал. – Это было приглашение на танец.

– Дай мне одно мгновение, чтобы выслушать друга, и я сразу же иду танцевать с тобой. – Отвечала она как можно ласковее.

Духовлад кивнул головой и ушел в другую часть комнаты, откуда продолжал следить за каждым ее шагом. Сейвина же быстро зашептала Велесу в ухо, неожиданно немного раздраженно и даже сердито:

– Ты отговариваешь меня лишь потому, что считаешь, что должен быть кто-то, кто предупредит меня в решительный момент, чтобы потом, случись что, и ты не виноват, ты ведь предупредил. А на самом деле в душе ты больше всего желаешь, чтобы я совершила что-нибудь эдакое, как ты говоришь, «легкомысленное и ветреное». Потому что ни ты, ни все остальные на это не способны, но все хотите, да чужими руками. Ты сейчас просто лицемер, Велес, вот и все.

Сказав это, Сейвина сразу направилась к Духовладу, не дав старому другу возможности возразить. Во время танца она старалась не смотреть ни на кого, чтобы случайно не увидеть в толпе задумчивое лицо Велеса, будто именно так можно было избежать чувство стыда перед ним за все сказанное давеча. Когда танцы закончились, и все уселись за огромный праздничный стол с яствами, она все-таки окинула гостей взглядом: ее дорогого одинокого Велеса уже не было среди них. Противное тоскливое ощущение в животе напомнило Сейвине о ее же обидных словах; она сама не знала, рада она была или нет, что Велес ушел с празднования.

Когда гости уже изрядно выпили, внимание многих рассеялось, и уже сложно было разобрать, кто о чем говорил, нить беседы терялась каждые несколько минут. Однако Сейвина выдерживала часы бессвязных речей, всем улыбаясь, при том внимательно наблюдая за основными баллинами. Внимание ее привлекла Нежана, прошептавшая что-то своей близкой подруге Милодане, а затем вышедшая из залы. Милодана, в свою очередь, подмигнула Томиле,

и они незаметно последовали за супругой Хотена. Духовлад уже был в другой части стола, оживленно беседуя со своими советниками. Убедившись, что он не следит за ней, Сейвина тоже вышла из залы.

Она шла по темному неосвещенному коридору дома, вслушиваясь в тишину комнат.

– Расскажи же, что тебе удалось узнать? – донеслись до Сейвины звуки голоса Томилы. – Она нашла комнату, в которой спрятались три подруги и замерла рядом с приоткрытой дверью.

– Что же случилось с правителем Ради? – вторила Нежана, от любопытства кусая губы, – Хотен проронил только, что он исчез прямо во время битвы, и что его рати были разбиты чудью. Но куда он исчез?

– Я расскажу вам, но вы должны поклясться, что никому не пророните ни слова об этом, иначе ни мне, ни моему благоверному несдобровать, – сказала томно Милодана, от выпитого не знавшая, как сдержать себя.

Две подруги не задумываясь поклялись.

– Велибор со своими ратями пошел через тайные пути в горах, чтобы напасть на чудские рати прямо там в горах, но попал в западню. Чудь уже поджидала их там. Тогда же Велибор, якобы отдавший приказ ступить через горы, оказался не более чем видением.

– Ах! – воскликнули все хором.

– Этого не может быть, – одумавшись, сказала Нежана, – у чуды отродясь не было таких мощных заклинаний.

– Я точно говорю! Велибора похитил старик-чернокнижник. Он и наложил на него заклинание видения.

– Как же он мог его похитить, сама подумай, – Нежана, видно, одна сохранила трезвость ума, не веря ни единому слову подруги, – он что, его – в мешок и на плечо, и поскакал мимо его же воинов? – Нежана и Томила переглянулись и засмеялись.

– Роздег сказал только, что чернокнижник умеет перемещаться и перемещать людей из одного места в другое. Велибор сейчас в Темном замке. Его скоро казнят или обратят в своих же.

– Не может быть! – воскликнула Томила.

Нежана нахмурилась.

– Мне кажется, твой Роздег подшутил над тобой. Все, что ты сейчас поведала, похоже на небылицу. Откуда у чернокнижника заклинание еще и перемещения? На людской земле ничего подобного вовек не бывало. Их колдовство слабое и бесполезное. – Нежана распялась все больше, раздосадованная мыслью, что вместо захватывающих вестей она получила плохо прикрытую ложь.

– Зачем же ему так шутить надо мной? – Милодана отвечала с раздражением, – он никогда еще не обманывал меня, да и потом, уж я-то знаю, как выведать у него все, что хочу. Уметь надо, милые мои. Вам-то ведь мало что доверяют ваши мужья.

Тут закадычные подруги стали спорить, а вскоре и браниться, вспоминая друг другу каждую малозначимую обиду, словно до этого они не дружили и не общались на самом деле, а только и занимались тем, что записывали на пергамент все неприятное, что им когда-либо кто-то делал, дабы при первой же возможности использовать записи друг против друга. Сейвина, и так задержавшаяся здесь подозрительно долго, тихо прокралась обратно в залу. Духовлад, к ее облегчению, казалось, и не заметил ее отсутствия за столом.

Дорогой домой Духовлад, однако молчал, и взгляд его был невеселым, будто что-то гнело его. Сейвина предчувствовала, что ей не сойдет с рук давешнее любопытство, и она все ждала, когда же гнев супруга обрушится на нее. Лишь в их покоях, где никто не мог их слышать, Духовлад наконец заговорил. Сейвина в этот миг переделась и расчесывала длинные темные волосы.

– Что же ты выведала, когда пошла за Нежаной и ее подругами?

Сейвина не отвечала, она стала так рьяно расчесывать волосы, как будто прячась за ними.

– Я спрашиваю еще раз, что ты замышляешь?

– Ничего, – медленно произнесла она. А затем вдруг добавила, не таясь, – Я ведь действительно много чего подслушала давеча. Ответь, откуда у чернокнижника наши заклинания?

Духовлад тяжело вздохнул.

– Я не собираюсь оправдываться перед тобой. Твое любопытство к судьбе людей не только неправильно, оно смешно, нелепо, вредно.

– Он грабил гробницы знатных людей, там находил руны заговоров. – Говорила, словно не слыша Духовлада, Сейвина, – И якобы среди этих рун он нашел заклинание перемещения и видения? И все же откуда в гробницах знатных людей наши руны? Кто их туда подбросил?

– Это не твои руны и не твои заклинания, уже много сотен лет. Ты отдала их все мне и, повторюсь, дала слово, что не будешь вмешиваться в мои дела с людьми. А сейчас ты пытаешься встрять.

– Я ничего не пытаюсь, я просто задала вопрос. Что может быть вредного и неправильного в том, что я хочу помочь кому-то из людей. Кто этот чернокнижник и откуда он взялся? Разве справедливо теперь, что он обратит или казнит славного Велибора? Почему ты не можешь остановить грядущую резню? Ведь все это в твоей власти.

– Забавно, что ты так сопереживаешь людям, которых совершенно не знаешь.

– А ты бы хотел, чтобы я очерствела за годы нашего союза, как и ты?

– Очерствела! – презрительно фыркнул Духовлад, – не от душевной мягкости и не из сострадания ты пытаешься встрять в мои дела сейчас, а от скуки. Ты хандришь, и уже давно, оттого пытаешься найти себе какие-то занятия, мнимые цели, которые оправдали бы суть твоего значения, твоего существования. Однако, если пустить тебя к людям, дабы нести добро и мир, ты вскоре убедишься, что все это надуманные цели, невыполнимые и бессмысленные, и еще раз уверишься в том, что нет никакой сути твоего значения, да никогда и не было.

– Вот этого ты хотел бы! – засмеялась Сейвина, – ты давно уже пытаешься убедить меня в моей ничтожности, отобрав магию, отобрав способности.

– Дело не в ничтожности, а совсем в другом, – раздраженно отвечал Духовлад, – как ты переигрываешь мои слова! Вы, духи, все время пытаетесь подчеркнуть свою значимость, свое превосходство над всеми, хотя вы и проиграли в первой и последней войне. Вот и сейчас ты бы взмахнула рукой, освободила Велибора, а потом много дней упивалась бы своим добросердечным поступком, смаковала бы его, с удовольствием бы выслушивала похвалу других. Ведь только ради этого ты и стремишься туда. В этом и заключается суть вашего лицемерия, да и вообще лживость всех благих дел.

В такие мгновения Духовладу очень хорошо получалось сбить Сейвину с толку; она начала копаться в себе, пытаясь понять, что же на самом деле двигало ею. И ей начинало казаться, что он, возможно, прав, и даже в большей степени, чем сам думает.

– То есть лучше, как ты, смириться с тем, что благие поступки невозможны, и жить дальше, лишь для себя? Какое блестящее оправдание для того, чтобы избавить свою душу от сострадания и стремления помочь кому-то еще.

– Да, именно так! – распаялся Духовлад все больше, он уже быстро ходил по комнате, размахивая руками и крича: – И что из того, что я не обманываю себя, не внушаю себе мнимых ценностей и целей? Когда же ты поймешь, что не тебе решать, что хорошо, а что плохо для других? За одними и теми же словами могут стоять совершенно разные значения. То, что ты называешь жестоким, я называю милосердным, и наоборот. И ты не можешь доказать мне, что ты права, а я нет. Не существует никаких ценностей и принципов, их придумали и навязали себе вы сами. И я не собираюсь жить по этим выдумкам, по вашему указу. Так скажи же мне, Сейвина, – он остановился и посмотрел на нее, – что ты замышляешь?

«Правильно, – задумалась Сейвина, – все остальные должны жить по твоему указу, так тебе нравится намного больше».

– Что ты затеяла? – вновь закричал Духовлад так грозно, что Сейвина вздрогнула и отпрянула от него.

– Ничего не затеяла, – ответила она как можно более ровным голосом. – Мне было просто интересно узнать о последних вестях...

Потеряв терпение, Духовлад невидимыми руками стиснул ее за плечи и бросил в стоявшее позади нее кресло со всей силы. А далее вжал ее в стенки кресла, обездвигив. Сейвина чуть не потеряла сознание от столь мощного проявления гнева мужа. Таким она его почти не знала; однако память быстро начала рисовать мгновения из далекого прошлого, до заключения их брачного союза. Именно таким он и был когда-то, не для нее. Внутри ее скрутило от неподвластного ей приступа страха перед сильнейшим из баллинов.

– Зачем ты интересовалась всем этим, когда я запретил тебе даже думать о людях и их войне? – спросил он так жестко, что Сейвина почувствовала себя самой большой нарушительницей на свете.

– Я надеялась упросить тебя помочь Велибору, заступиться за его землю.

– В последний раз тебе говорю: никаких людей! Чтобы я не слышал о них больше! Ты отдала бразды правления мне, и назад их просить спустя столько сотен совершенно глупо. Не стой у меня на пути!

Сейвина выдавила из себя заверения в отказе от вмешательства в его дела, а также дальнейших попыток влиять на него. Казалось, Духовлад немного утихомирился. Сейвина же, засыпая, видела перед глазами прежнего Духовлада, еще не поменявшегося ради нее. Каким же отталкивающим он тогда был. А еще она думала о том, что если бы не эта уродливая сцена, и если бы Духовлад не потерял самообладание сейчас, она бы скорее всего оставила свой замысел. А теперь ей не терпелось дождаться того мгновения, когда утром он уйдет из дома, чтобы нарушить свое слово.

На следующее утро Сейвина проснулась непривычно рано, когда Духовлад еще только одевался. Но она притворилась спящей, ведь она всегда вставала, когда мужа уже давно не было дома. Она лежала и внимательно вслушивалась в звуки дома. Лишь только входная дверь захлопнулась, она вскочила с кровати и подошла к окну. Сейвина проводила Духовлада взглядом, прячась за шторой так, чтобы он ее не заметил.

Чуть позже она уже была в подземелье дворца, куда Духовлад перенес древние артефакты баллинов. Он спрятал их за магическим замком, к которому ни один кузнец не мог изготовить нового ключа. Ни один, кроме самого главного кузнеца. Это уже была вторая попытка укрыть их от глаз не только других баллинов, но и самой Сейвины. Раньше он прятал их в комнате без дверей. Однако однажды его жене удалось проследить за ним и понять, что он бывает в каком-то тайном месте. Подслушав заклинания, она проникла в ту комнату, и там, скрываясь от всех, изучала баллийские артефакты. Там же она нашла палантир, и в одну из таких вылазок она увидела в палантире Деяну, с которой и были связаны теперь все ее надежды. Она должна была вновь поговорить с ней. Магический ключ Скритека, который Велес отдал ей во время празднования, сначала, казалось, не должен был подойти к замку, потому как оказался совсем другого размера, однако после второй попытки он магическим образом отворил массивную скрипучую дверь. Сейвина прошла в центр залы и разместила в ней факел, осветивший древние сокровища баллинов. Здесь было великое множество артефактов, не только баллийских, но и тех, что баллины захватили у духов во время первой и последней войны. Какие-то из них были ей очень знакомы, какие-то до сих пор представляли загадку. Все они теперь лежали под большим слоем пыли, забытые и ненужные их владельцу. Лишь только несколько из них были не забыты: на круглом деревянном столе, чистом, без следа пыли, лежал столь желанный

палантир и несколько других магических предметов. Видно было, что для Духовлада эти предметы представляли особую ценность. Сейвина взяла в руки палантир, и он загорелся клубами густого дыма, пронизанного, словно сеточкой, тончайшими нитками света. А затем в этих клубах дыма она увидела Деяну. Немолодая и далеко не глупая настоятельница древнего людского монастыря смотрела на нее своими мудрыми и смиренными глазами. Она позвала ее на землю.

– Людской род опять в опасности, – поспешно сказала Деяна, – и намного большей опасности, чем когда-либо. Без помощи духов сия война станет последней для людей. Вы должны помочь. Ты обязана прийти.

– Я хочу, но не знаю, как.

– Разве у тебя нет заклинания перемещения? А артефакт? Духовлад его спрятал?

– Заклинание я помню, а артефакт должен быть где-то здесь. Дело не в этом! Духовлад приходит в бешенстве при одном упоминании о вмешательстве в его дела. Боюсь, если я отправлюсь к вам без ведома Духовлада, его гнев обрушится не только на меня. Быть может, его безмерная ярость и сделает эту войну последней. У меня плохое предчувствие. – Сейчас, когда нужно было решиться на самую большую дерзость за последнюю тысячу лет, Сейвине действительно начало казаться, будто ее замысел приведет к гибели не только ее, но и всех. Страх теперь управлял ее мыслями.

– Ничего не бойся. Я говорила совсем о другом источнике зла, и имя ему не Духовлад. Я сокрою тебя от глаз твоего благоверного. Где бы ты ни была, он не будет видеть тебя, не будет чувствовать тебя. Он ничего не сделает, пока ты сама не откроешься ему.

– Разве ты способна сделать это?

– Монастырская магия – это особая магия. Смирение и отказ от земных радостей даруют совсем другие способности, чем есть у духов или баллинов. Верь мне, и я направлю тебя.

Сколь невозможными ни казались ее слова, Сейвина не могла не поверить Деяне: та не стала бы лукавить теперь. Да и какой был смысл в обмане? Слишком опасные вещи они задумали. Сейвина ринулась к валяющимся на полу артефактам, отыскивая нужные ей. Она не могла взять с собой слишком много – лишь несколько предметов, и то не самых крупных. Вдруг рука ее стерла пыль с аккуратного узорчатого булата. Рукоять его отливала давно забытым темно-зеленым цветом. За все это время Сейвина не только позабыла о том, как выглядел этот булат, но и его цвет, да и о самом его существовании. Внезапно она почувствовала невероятный душевный подъем, и теперь она будто уже и не сомневалась в том, что делала. Она взяла свой старый булат, и рука так привычно держала его, словно она только вчера сложила его здесь. Затем она нашла нефритовые доспехи, которые надела под платье, в сумку сложила браслет солнца и другие предметы. А затем отыскала то, что было похоже на большую невзрачную картинную раму. Она поставила ее к стене, прочитала заклинание и исчезла в лучах почти стеклянного света.

Глава вторая

Лил серый густой дождь на твердую каменистую почву, капли блестящими брызгами разлетались о землю. Серые, местами побитые временем и источенные погодой, камни широких стен возвышались над обрамляемой ими площадкой, как горы. Это был двор монастыря монахинь ордена дидилианства, старинного ордена, основанного около восьми столетий назад. Этот замок был долго заброшенным после кровопролитных войн, мало кто помнил, кому он принадлежал до того: внутри все было разграблено и вынесено, не осталось ни клочка бумаги, чтобы узнать, что же было здесь когда-то. Поговаривали, что когда-то в горах обитали особые горные жители, которые были похожи на людей, но таковыми не являлись, они были больше и сильнее, и знали очень много о природе горных камней, потому замок, бывший когда-то центром их жизни, они построили на века. Этот замок имел очень высокие стены и потолки,

будто и жили здесь существа, в полтора раза выше и больше людей. Так же, хотя и была это очень старая постройка, никакие каменные болезни не трогали ее. Как бы то ни было, спустя долгие годы крепость вновь стала обитаемой: сюда случайно забрела монахиня по имени Искра, которая ушла из своего монастыря; здесь она обосновалась в полном уединении, привезла древние рукописи. Вскоре о ее особом пути узнали местные жители, – тогда к ней стали приходить и другие монахини. Искра совсем не ожидала ничего подобного, потому поначалу даже не совсем была рада гостям, ведь она не искала возвышения в чьих-либо глазах. Однако со свойственным ей терпением приняла других монахинь: так они и построили орден дидилианства, основанный на вере в богиню Дидилию, следы которой они старались найти на земле. Со временем цель эта отошла на второй план, затесненная призыванием сохранить библиотеку, а также хотя бы как-то пополнять ее, своими или чужими трудами.

Из-за сильного дождя обитатели крепости, видимо, попрятались в комнатах, и во дворе было совсем пустынно: лишь кое-где стояли пустые бочки, да телега под козырьком закрывалась от дождя. Из конюшни доносилось редкое тоскливое ржание; ставни всех пристроек, где прятались немногие животные, были наглухо закрыты.

Сейвина направилась ко входу в часть крепости, где располагались комнаты монахинь: путь ее лежал через большую залу, в центре которой стоял продолговатый деревянный обеденный стол. Даже стол этот был слишком маленьким, чтобы заполнить огромное пространство. Внутреннее убранство было совсем непривлекательным: на полу лежали поношенные, сплетенные монахинями, довольно простые ковры, стены были каменными и неровными. Мебели почти не было: лишь грубоватый стол и такие же грубоватые стулья. Столы были убраны, стулья поставлены в ровный ряд, однако Сейвине показалось, что все поверхности мебели покрылись слоем пыли, словно здесь не просто никто не убирался, а даже никто и не жил. Сейвина окрикнула матушку Деяну, настоятельницу монастыря, но в ответ услышала лишь эхо. Она вслушалась в тишину, но ничего в ней не выдавало признаков жизни: ни шевеления, ни сопение, ни кашель, ни шепот молитв. Вот только что Сейвина разговаривала с Деяной через палантир, а теперь ни ее, ни послушниц нет в монастыре? Недобрая мысль о том, что ее заманили сюда, неприятно поразила ее.

Совершенно внезапно дверь, ведущая в коридор, открылась, и в столовую, где последние несколько минут сидела Сейвина, вошла настоятельница монастыря, седовласая маленькая и худая женщина, которая провела в этих горных стенах почти всю свою жизнь. Когда-то она пришла сюда еще молодой женщиной с не сложившейся судьбой, о которой она никогда не упоминала, вытравленными в душе чувствами и совершенным нежеланием что-либо желать или о чем-то больше жалеть. Здесь она обрела спокойствие и смогла примириться со всеми событиями, которые привели ее в эту горную крепость; здесь она заслужила своим трудом и внутренними качествами всеобщее уважение, почему ее и выбрали настоятельницей после смерти предшественницы. Здесь ее звали матушкой Деяной, а как ее звали раньше, никто не ведал. Матушка Деяна была одной из тех, чья забота о близких и самоотверженность словно отрицают в них наличие какого-либо самолюбивого начала; такие люди словно когда-то давно позабыли о своих собственных нуждах и разучились вспоминать о них.

– Ты пришла, – сказала Деяна, войдя в комнату, шагами молодой женщины она поспешила к Сейвине, чтобы обнять ее.

– Матушка, где же ты была сейчас? Вы будто все попрятались. Я звала тебя. – удивленно спросила Сейвина.

– О чем ты говоришь? – неподдельно было недоумение Деяны. – Мы были все время здесь. Видно, мы так рьяно молились, что не сразу услышали тебя.

– Но как же пы.. – Сейвина провела пальцем по столу, чтобы показать Деяне слой пыли, скопившейся на мебели, однако тут же увидела, что палец ее был чист, как и все вокруг. Пыль

словно растворилась в воздухе. Сейвину передернуло: неужели ей померещилось давеча? – Удивительно. – пробормотала она.

– Ох, Сейвина, в лихие времена мы живем, и лихие люди всем заправляют. Как я рада, что ты не побоялась прийти к нам. Ничего более не бойся, Духовлад уже не властен над твоей судьбой. Я обо всем позаботилась. Мне так много тебе нужно поведать.

– Ты знаешь, откуда взялся этот чернокнижник? – спросила Сейвина, перебив ее.

– Если верить легенде, это один из князей Чуди или Витигоста, который был убит около сотни-двух лет назад в междоусобных распрях. Через какое-то время на юге от Радимича появился чернокнижник-некромант, умерший человек, провозгласивший себя князем. Он медленно собирал других умерших, чтобы создать свое небольшое войско, жил в болотах, скитался по кладбищам, гробницам, усыпальницам, в результате они набрали на заброшенную крепость на юге, где и осели. После их появления в той местности все преобразилось: небо затянулось серой мглой, почва почернела, трава и деревья погибли, только сухие коряги торчат из земли с сухими ветвями. Если кто заблудится и забредет в эти мертвые земли, назад дороги уже не найдет: сама земля будет вести его прямо в руки князю Чернеку. Воздух там недвижим и затхл, кругом пахнет мертвечиной. Ни одна птица, ни один зверь не залетит туда. По ночам доносятся там на всю округу истошные вопли умерших, которые ненавидят себя за то, что не могут умереть. А еще больше преисполнены они лютой ненавистью к живым, которые, напротив, умереть могут.

– Что они делают с теми, кто попадает к ним? Убивают?

– Они не убивают несчастных, нет. Они делают вещи куда страшнее: они превращают их в себе подобных.

– Значит, это правда, – задумчиво сказала Сейвина. – Велибор и впрямь ждет такой исход?

– Мне не дано это знать. Но я бы не стала верить, что они поступят с ним честно. Если в битве или когда-либо еще у человека может сохраняться надежда, то уж точно не в когтях князя Чернека.

– Я много слышала о славном Велиборе. И ему уготовано стать живым мертвецом! Мыслимо ли это?

– Все, что происходит на земле, мыслимо и выполнимо. Все, что могло бы заставить содрогнуться самые недра земли, уже произошло на этом свете. – Говоря это Деяна тяжело вздохнула и опустила ненадолго глаза. Думала ли она в тот момент о тех страшных событиях, которые произошли когда-то с ней, пронеслось у Сейвины в голове. Как бы то ни было, Деяна, легко справилась с воспоминанием, словно она давно научилась этому, и уже через мгновение она подняла голову.

– Как же можно попасть в замок Чернека? Наверное, туда нет ни одной прямой дороги.

– Это верно, дороги туда не ведут, да и попадать туда никому не стоит. Раньше были старые дороги, ведущие к замку. Одна из них шла через горную дорогу от нас на запад, к востоку от васильковой долины у подножия гор, а далее через старый погост. Но дорога это давно была заброшена и вряд ли сохранилась, не найти ее. А погост был осквернен этими существами и опустошен почти тогда же, как чернокнижник появился там. С черты погоста начинается их земля. Поговаривают, что и васильковая долина постепенно переходит к ним в руки: по крайней мере, все чаще там встречаются неживые, которые приезжают туда для торговли, и сами люди, что печальнее всего, торгуют с ними ради выгоды.

– То есть местные знают с кем имеют дело, но это их не останавливает? – Сейвина сдвинула брови. – Будь Духовлад сейчас здесь, он бы посмеялся надо мной. – Вздохнула она.

– Пусть мелкие неурядицы не смиряют твой пыл. Будь все мы непогрешимы, не было бы лиха, и ты бы не была бы сейчас здесь. У меня есть грамоты, в которых упоминается Чернек; думаю, тебе стоит взглянуть на них.

Они прошли по длинному сумрачному коридору с большим числом дверей к большой тяжелой двери, запертой на несколько ключей, которыми владела только матушка Деяна. Она открыла с тяжелым скрипом все замки, а затем с большим трудом отворила дубовую дверь. За ней простирались каменные, побитые ступени, устремляющиеся вниз. Они последовали глубоко вниз, туда, где хранились сокровища крепости: древние потрепанные рукописи на пергаменте и на бересте, лежащие аккуратно на множестве полок.

Деяна отложила часть грамот на большой стол, и Сейвина, кивнув Деяне, принялась изучать их, а та вышла из библиотеки и поднялась вверх.

Когда Сейвина закончила и пришла к Деяне, глаза ее очень устали от полумрака и неяркого света лампад, и все виделось пятнами. В окнах уже совсем стемнело. Дождь так и лил, словно здесь не бывало другой погоды. Она прошла на второй этаж, где должна была найти в настоятельницы Деяну в своих покоях. Она протянула связку ключей матушке.

– Получилось ли у тебя, найти что-то ценное?

– Более или менее, – пожалала своими худыми плечами Сейвина, – в любом случае, я не смогу задержаться надолго: завтра на рассвете я отправляюсь в путь. Мне понадобится лошадь, хлеб и фляга с водой, да теплые походные вещи.

– Ты уверена, что свой путь на земле начать нужно с Темного замка? – спросила Деяна.

Сейвина улыбнулась.

– Ты боишься за меня? Не ты ли попросила меня бросить все и ради людей? И потом, если не с Темного замка, то откуда начать мне свой путь? Мы обе знаем, что мой путь не имел бы никакого смысла, если только не через Велибора. Он ровно в таком безысходном положении сейчас, чтобы выслушать меня и поверить мне. Потому как выбора у него нет.

– Ты как всегда рассудительна.

– Если бы Чернек был самым грозным существом на свете, – добавила Сейвина немного грустно, – то я бы могла навсегда распрощаться со страхом. Не его я боюсь, не его.

Сейвина взглянула на настоятельницу, безмолвно смотревшую на нее теперь. Она уже хорошо знала, что Деяна не говорила ей и половину того, что думала. Вот и сейчас ее молчание что-то значило, но что, знать Сейвина не могла.

В темницу не проникал ни единый луч света, и все-таки глаза Велибора стали привыкать, и он уже различал окружающие предметы, благо их было не так много: дубовая дверь с длинными, почти до пола решетками, скамья, на которой он и сидел, да коридор, на который он смотрел, будто ждал кого-то. Смешно это было, ведь ждать ему было совершенно некого, и вызволить его никто не придет. Надеяться можно было лишь на себя, но и это было бессмысленно. Как невероятный, жуткий сон вспоминался ему давешний день; такого резкого поворота событий не мог предположить никто, даже Велибор, который должен был видеть все наперед. Он всегда недооценивал чернокнижников, и теперь поплатился за это. Слишком поздно он увидел, как выросла их мощь.

В тот день Велибор по какой-то непонятной причине согласился выслушать старика. Однако как только он сказал незнакомцу, что не примет его предложение, старик ухмыльнулся чему-то, затем возвел резко руки вверх, и Велибору показалось, будто он провалился сквозь землю, да стал долго падать вниз, пока не упал, наконец, на твердый каменный пол. Несмотря на то, что удар был силен, он тут же вскочил на ноги и выхватил свой меч, озираясь по сторонам; вскочил и старик, который упал близ него. Но только старик и не думал обороняться, он лишь хохотнул зловеще, совсем не так, как смеялся давеча: заискивающе и дружелюбно.

– Не думаю, что тебе послужит твой меч, – промолвил он совсем не старым голосом, смахнул с себя бороду, длинные седые волосы, сбросил лохмотья, и предстал перед Велибором в своем истинном виде. И хотя Велибор никогда прежде не встречал некроманта, сомнений у него не было: то был князь Чернек. Его кожа отдавала зеленоватым неприятным оттенком,

злобно горели глаза, и он был уже совсем не похож на человека. Он взмахнул рукой, и меч Велибора какой-то незримой силой вырвало у него из рук и бросило далеко от него. Тогда Велибор кинулся на Чернека голыми руками, замахиваясь для удара, но и тут чернокнижник опередил его: от одного взмаха его кисти Велибора бросило на каменный пол, словно кто-то невероятно сильный ударил его. – Взять его, повязать и бросить в темницу! – закричал Чернек.

Тут же откуда ни возьмись на Велибора набросились вурдалаки, враз выкрутившие ему руки. Они схватили его и уволокли в темницу. Так он и оказался в Темном Замке: Чернек с помощью своих чар проник в стан радийцев, притворяясь старцем, а затем перенес его в свой замок.

На следующий день, продержав его в темнице без еды и питья целые сутки, вурдалаки повели Велибора к Чернеку. Некромант стоял около длинного окна и смотрел в черную даль, рассеченную острыми ветками мертвых деревьев. Волибор стоял, ожидая, что же будет дальше. Вдруг Чернек обернулся, глянул с усмешкой на пленника, подошел к столу, взял кусок пергамента с пером и чернилами и положил их напротив Велибора. Кивком головы он предложил ему сесть за стол.

– Есть задание для тебя, – насмешливо произнес Чернек, – писать ведь умеешь?

– Что я должен написать? – спросил сухо Волибор, не шелохнувшись, слишком хорошо понимая, что он не захочет выполнять задание чернокнижника.

– Это послание доставят твоим советникам в Родограде. Потому садись и умоляй так, как только умеешь, чтобы они не бросили тебя на милость врага, чтобы поступились *твоими* пока еще южными землями ради твоей же жизни. Сообщи им, что тебя ждет не обычная казнь, а участь похуже пытки. – Тут Чернек замолчал, чтобы растянуть удовольствие, а затем почти ласково сказал, – мы обратим тебя в вурдалака, если они не внимут твоим мольбам.

– Думается мне, что писать я все-таки не умею. – Сказал в ответ Велибор, – в глазах заплясали веселые огоньки. – Во всяком случае, *так* точно не умею.

– Пиши как можешь, дурень! – фыркнул Чернек злобно, – тебя никто спрашивать не будет! Если напишешь послание, – уже спокойнее продолжил он, – я пощажу тебя и при любом исходе дарю тебе честную смерть. Не напишешь, случится то, чего ты боишься больше всего: превратишься в нелюдя.

– Хорошо, – пожал плечами Велибор, – будь по-твоему.

Он сел за стол и принялся невероятно медленно и аккуратно выводить буквы. Чернек ходил вдоль окон в нервном ожидании. Вурдалаки на входе начали переступать с ноги на ноги, дивясь, сколь неграмотен был правитель Радии, раз писал так долго. Но вот наконец он закончил и протянул письмо Чернеку. Тот схватил послание и стал быстро читать.

– Это что еще такое? – взревел Чернек, – ты над кем насмеяться вздумал? Ты целый час писал всего две строки, и что же написал?! «Ни при каком условии не вступайте в переговоры с Чернеком. Ваш правитель Велибор.»

Пленник лишь пожал плечами в ответ; в глазах его вновь заиграли насмешливые огоньки. Чернек скомкал кусок пергамента и вцепился своими длинными пальцами с когтями Велибору в горло.

– Добро пожаловать в вечное Царство тьмы, болван! – прошипел он и через какое-то время ослабил хватку.

Велибор упал на колени, хрипя и судорожно глотая воздух. Он инстинктивно хватился руками за горло. Вурдалаки по знаку Чернека подскочили к нему, схватили и поволокли обратно в подземелье.

Ранним утром, задолго до восхода солнца, Сейвина проснулась: сквозь темноту окна еще желтел полумесяц, было зябко, и немного не по себе. Тысячи лет прошли с тех пор, как она

стала супругой Духовлада. Когда-то, на той самой скале, прячась в меха от холода, она дала себе слово, что навсегда забудет обо всем, что было до той минуты.

Но вот сегодня ей приснился сон, от которого она проснулась с потом на лице, на шее, на спине. Это было воспоминание о тех днях, когда баллины еще не спустились на землю. Сейвина бродила по зеленым долинам, едва касаясь руками до колосьев, словно поглаживая их. Затем она лежала в тени старого широкого дуба, который помнила еще молодым подростком, и слушала шепот его причудливых узорчатых листьев. На душе было так легко, словно она сама качалась на ветвистых руках древа, ловя переливы золотых лучей солнца сквозь пушистые листья. Как они смеялись весне и грядущему лету, как беспечно толкались и прыгали, раскачиваясь на ветру; временами дуб тянулся всеми ветками к ней, пытаясь слегка дотронуться до нее причудливыми листьями. Он говорил ей, как скучал по ней, и как давно не видел, спрашивал, где же она была столько времени. А Сейвина не могла понять, как могли они долго не видеться, ведь она так часто захаживала в эту долину. Но он говорил, что так давно не видел ее, что почти забыл сами ее очертания, не то что узоры ее глаз и губ. Он просил ее не покидать эту землю более, а она смеялась, говорила, что ветер спутал его мысли своими порывами: она была не далее, чем на прошлой неделе здесь. Тогда он сказал ей строго: – «Очнись, уже прошли тысячи лет». И она вдруг увидела, как невероятно стар и толст был дуб, и как глубоки были морщинистые борозды на его иссохшей коже, будто простоял он уже тысячи лет на одном месте в ожидании. Именно тогда она и проснулась в липком поту, разгоряченная и взволнованная. Нужно было отправляться в путь.

Сейвина быстро переделалась в теплые вещи, подхватила дорожную сумку с запасами, спрятала под плащ-платье ножны с клинком и спустилась вниз, где стояло несколько послушниц монастыря и Деяна. Они заворуженно смотрели на молодого жеребца с мощным мускулистым корпусом по имени Гром. Увидев Сейвину, он вскочил на задние ноги, необыкновенно сухие и сильные, и радостно заржал, изогнутая спина его засияла черным блеском. В полусонных лицах послушниц она заметила тревогу и недоумение. Даже Деяна была не совсем спокойна.

– Береги себя и не доверяй никому, – сказала она, обнимая Сейвину на прощание.

Та взобралась на коня и тронулась в путь, который поначалу лежал через горные тропы, местами пологие, местами резко спускающиеся вниз и поднимающиеся вверх. Временами они были очень опасными, простираясь прямо над обрывами и пропастями. И все же одинокая дорога успокаивала: места эти были нелюдимые, ведь сухие склоны гор совсем не привлекали добытчиков. Она обходила стороной все направления, ведущие к приискам, чтобы избежать встречи с путниками.

Весь день нависали черные тучи над горными пиками, и лишь к вечеру они разразились дождем, отчего склоны стали скользкими и опасными: Гром то и дело замедлял движение, то осторожно поднимаясь, то спускаясь. Плотный плащ защищал Сейвину от дождя, а под ним было платье из теплой шерсти, накинутое на тончайшие доспехи-артефакты из нефрита, которые она взяла с собой из Баллии. В сумке у нее были спрятаны и другие древнейшие артефакты баллинов, в том числе и величайший браслет солнца, который, согласно легендам, Духовлад принес с собой с неба – он был соткан из кусочков солнечного света, его магическая сила заключалась в том, что, когда он был надет на руку, он поглощал свет, падающий на человека, и делал его невидимым.

Спустя несколько часов дороги под дождем, Сейвина увидела небольшую полость в скале, там можно было укрыться от воды. Она прошла в полость вместе с Громом и развела небольшой костер, чтобы согреться. Затем Сейвина достала из сумки кусок хлеба и стала медленно жевать его. Одиноким путем напомнил ей о тех далеких временах, когда войско духов были разгромлено и разъединено. Тогда было всем совершенно ясно, что уже через несколько дней баллины уничтожат остатки их расы. Это было жуткое время: сначала духи пережили неверо-

ятное потрясение от того, что с небес спустились столь враждебные существа, обрушившие на них свой гнев, бесосновательный и беспощадный. Следующим потрясением для них стало то, что и они, духи, оказались смертными, просто нужно было подобрать «правильное» оружие: артефакты Духовлада сделали возможной их казнь. И последним потрясением стало открытие истинных намерений Духовлада: он не стремился выиграть войну, он стремился уничтожить всех духов, всех до единого.

Сколь же неожиданным решением было тогда решение правителя баллинов заключить союз с Сейвиной. Их раса, или то, что от нее осталось, была спасена; были спасены и люди, которых изначально ждал тот же черед, что и духов. Однако некоторые решили, что пойти на соглашение с Духовладом означало предать память всех погибших, предать сородичей, предать свое начало. Вот и Дамора так решила тогда. И она ушла от них навсегда. Дамора, с ее бледной, полупрозрачной кожей и голубыми сапфировыми глазами, столь явственно стояла у нее перед глазами. Когда у Велеса был выбор, на чью сторону встать, он не выбрал Дамору, он выбрал Сейвину, как бы трудно ему ни было тогда. Она была отчасти не рада его выбору: ей хотелось, чтобы кто-то пошел за Даморой и не оставлял ее одну, даже не смотря на то, что она прекрасно знала, что ее подруга была не права.

В темном подземелье пятно прыгающего света тянуло к себе; Духовлад медленно шел к нему, не предчувствуя ничего хорошего. Когда он приблизился к своему тайнику, то увидел распахнутые массивные двери, замок был открыт, но ключа в нем уже не было. Он взял в руки замок и внимательно изучил его.

– Прodelки твоих проклятых дружков, – процедил он сквозь зубы.

Духовлад вошел внутрь, но там уже никого не было. Лишь забытый Сейвиной факел догорал в центре зала. Его словно какая-то сила позвала обратно, и он развернулся и поехал домой к жене. Он не нашел ее ни в их покоях, ни в одной из зал, потому решил проверить свой тайник. И он не ошибся насчет нее; все странности прошедших дней сложились воедино теперь.

В зале лежали потревоженные ее рукой артефакты, наверняка многое она прихватила с собой. На столе стоял палантир, но не было браслета солнца. Духовлад усмехнулся.

– Как будто эта безделушка сможет скрыть тебя от моих глаз, – самодовольно промолвил он, – какая же ты еще наивная.

В глубине души ему хотелось дать ей время, чтобы сделать игру интереснее, и лишь затем последовать за ней. Посмотреть, куда она пойдет, узнать, каков ее замысел на земле. Однако любопытство взяло вверх теперь, и он стянул покров с палантира. Взяв его в руки, он смотрел на клубы дыма, ожидая увидеть Сейвину. Сейчас он узнает, где она, и что делает. Однако время шло, но клубы дыма не расходились.

– Что за черт, – стал ругаться нетерпеливый Духовлад, – она заколдовала мой палантир? Разве такое возможно?

Тут он решил проверить, но раз он воззвал к Хотену, и тут же увидел его. Палантир работал.

– Духовлад, что стряслось? Почему ты еще не здесь? – спросил Хотен.

– Я задержался дома, – ответил неохотно Духовлад, – кое-что случилось. Сейвина отправилась на землю. Но суть не в том! Я не вижу ее в палантире. Как такое может быть? Она наложила заклинание на него?

– Это невозможно, наши артефакты не поддаются магии.

– Тогда как у нее получается скрываться от меня? – раздраженно спросил Духовлад.

Хотен, подумав немного, отвечал:

– Похоже, что кто-то помог ей. Кто-то скрывает ее от чужих глаз.

– Какая магия способна на это? – продолжал раздраженно спрашивать Духовлад. – Магия порядка ведь не способна на это. А если она не может, то ничто не может!

– Нет, не способна. Ни одна из магий не способна.

– Значит, появилась новая угроза. Новая магия. – Немного успокаиваясь, задумчиво произнес Духовлад.

– Мы отправимся с Роздегом на землю, найдем и вернем ее, – предложил Хотен.

Духовлад долго не отвечал, почесывая бороду.

– Знаете что, – наконец сказал он, – не надо никуда отправляться. Такой поворот событий нам только на руку.

Роздег, до этого слушавший в стороне, подошел к Хотену, чтобы посмотреть на своего правителя. Они слушали его, затаив дыхание.

– Приход Сейвины на землю не подавит разгорающуюся войну, нет. Я в этом уверен. Думаю, она, наоборот, нам очень поспособствует. Она ведь ничего не знает о людях, и еще меньше о темных сущностях земли.

Хотен и Роздег не совсем поняли, к чему клонил правитель Баллии. Однако на дальнейшие расспросы он не отвечал, видимо, не желая спугнуть удачу.

В мрачную залу со скромным убранством и длинными узкими окнами вошел вурдалак с небольшой бородкой. Он нес в руке письмо. Чернек, заметив сверток, сразу поднял голову. Лесьяр передал письмо некроманту, немного мешкая, так как не знал, остаться ему или уйти. Чернек кивнул ему утвердительно, и тот сел напротив него. Чернек быстро прочел письмо, нахмурился, следом за ним нахмурился и Лесьяр, решив, что пришли дурные вести, но затем Чернек вдруг рассмеялся презрительно, и Лесьяр тоже позволил себе легкую улыбку.

– Ох уж эти выскочки из Чуди! – воскликнул Чернек, бросая письмо на стол пренебрежительно.

– Что пишут Возгар и Говена на этот раз?

– Этот престол достался им по счастливой случайности, по ошибке. Не будь этой случайности, они бы никогда не правили бы в чуждой земле! Но теперь они считают, что имеют какую-то значимость, какой-то вес, что такие незаурядные правители, как я, должны считаться с ними. – Чернек цедил сквозь зубы каждое слово злобно и презрительно. – Пишут, что были удивлены моим поступком, что никак не ждали, что я нарушу условия договора и отправлю Велибора не к ним в стан. А теперь спрашивают, почему до сих пор Велибор жив.

– Неслыханная наглость! – Вторил ему Лесьяр. – Мы ведь еще не получили обещанную плату.

– Разумеется. Без этого ни к чему спешить расправляться с Велибором: пусть Говена и ее муж волнуются. Что Родоград, никаких вестей?

– Нет, никаких, – ответил Лесьяр.

– Меня смешит высокомерие слабых и беспомощных: отказываются вести переговоры! И кому от этого хуже? Сейчас Говена повоюет с Радией, подточит их силы, да и свои тоже. Жду-не-дождусь, когда доберусь до владений и тех, и других. А чудь, следом и Витигост должны быть стерты с лица земли, стерты, – Чернек бормотал словно в забытьи, мстительно сжимая и разжимая свои кулаки.

– Чудь и Витигост? Я думал, что Радия – наш главный враг. – Заметил Лесьяр слегка озадаченно.

Чернек, опомнившись, взглянул на Лесьяра и сказал ему:

– С Чудью и Витигостом у меня свои счета. Ты можешь идти.

Серый тоскливый свет пробивался сквозь узкие окна в комнату, такой же тоскливый, как когда-то была его жизнь, но теперь этому свету суждено принести уныние и гибель в другие жизни – жизни потомков его обидчиков. Расплата была близка.

Спустя несколько дней путешествия по извилистым горным тропам она вышла к васильковой долине, чья синь глядела на нее туманно и расплывчато, словно перевернутое небо, а небо, наоборот, довлело над ровным долом, словно тяжелый свинец. Васильковая долина простиралась до самого горизонта, и когда они с Громом пересекли ее, то увидели перед собой Васильковый город или что-то похожее на него. Это были почерневшие деревянные, местами прогнившие от непогоды и влажности, стены дряхлеющей крепости. Сейвина не ждала многого от этого места, но все же вид людей и строений был намного хуже, чем она думала. Уже темнело, когда она въехала на улицы города, и хмурые люди с подозрением взирали на нее. Она с тревогой отмечала про себя, что на улицах ей не встречались молодые лица, будто все, кто еще был полон сил, уезжал отсюда в более пригодные для жизни места. Сейвина сильнее натянула на лицо капюшон, чтобы не бросаться никому на глаза. Безденежность и безнадежность – этими двумя словами можно было описать жизнь здесь: местные жители были в одежде из самых грубых серых недорогих тканей, выдавшей вида, с заплатками, истертой и засаленной, у большинства не было даже сапогов, все ходили в соломенных лаптях.

Сейвина поспешила в первый попавшийся постоялый двор, который встретился ей на пути, там она направилась в харчевню, где надеялась поесть и вызнать, как ей добраться до Темного замка. В харчевне было совсем немного людей, и они все покосились с недовольством на нее, лишь только Сейвина вошла. Она склонила голову сильнее, чтобы нельзя было под капюшоном разглядеть ее лица, темнота скрывала очертания, а плащ – платье, и она надеялась, что никто не поймет, что она женщина.

Хозяин трактира взглянул на нее также недобро. Она подошла к стойке и жестами показала ему, что хотела бы поесть, на что он сухо кивнул из-под хмурых бровей и стал наливать ей какую-то похлебку. Сейвина ела очень неторопливо, выжидая лучшее время для того, чтобы разузнать что-либо. Она осторожно и незаметно озиралась по сторонам, разглядывая присутствующих. Может быть, ее обоняние было слишком чувствительным, но оно помогло ей осознать, что за соседним столом сидел... не совсем живой человек. Она еще раз быстро взглянула на сидящее неподалеку существо и на этот раз точно поняла, что он был давно мертвым, он даже не ел и не пил ничего, а только хрипел о чем-то своему собеседнику – человеку, пьющему что-то хмельное. Тут она почувствовала, что в самом углу комнаты сидит еще один умерший человек, и мурашки поползли у нее по коже. Выходит, местные уже настолько не чурались обитателей Темного замка, что готовы были разговаривать с ними в харчевне. Ну конечно, ведь в этом городе все были очень бедны, а связи с замком наверняка сулили большие доходы.

Дыхание Сейвины стало глубже, а сердцебиение – чаще, мертвые стали ближе, намного ближе к ней, и она уже слышала намного острее хрипы, что они выдавливали из себя, несмотря на то, что они были в разных углах комнаты; ощущала их зловоние так четко, будто они сидели подле нее.

– Цены растут, – говорил в одном углу человек, – идет война, сейчас очень сложно достать товар, очень сложно найти тех, кто смог бы продать несколько берковцев левой руды, – на всех местах добычи досмотр, попытаешься пуд руды вывезти – не сносить головы. Даже не знаю, что я сейчас смогу сделать. – Человек потирал руки, словно предвкушая, сколько он сможет выторговать сейчас.

– Не держи меня за дурака, – хрипел ему в ответ его собеседник, – я знаю прекрасно, что те, у кого ты покупал товар до этого, будут работать с тобой сейчас еще охотнее, потому как смогут заработать больше.

– Они связаны по рукам и ногам, говорю я тебе, сейчас не найти глупцов, которые согласятся украсть руду. Идет война с чудью.

– Я знаю прекрасно, что идет война с чудью! – рявкнул мертвый, и от его крика из-под капюшона его высунулась часть гниющего синеватого лица. – Но это не та война, когда

Радии удастся сохранить порядок внутри. Мы уже знаем, что основное войско было разбито. На стороне Чуди чародеи, посмотрим, как трусы Велибора будут сражаться с магией. – Он страшно захрипел, видимо, пытаясь смеяться, – называй свою цену, если не боишься. – Он глянул на человека так злобно, что тот нервно сглотнул.

– Триста златников, – самая низкая цена, на которую сейчас кто-то согласится.

– Сколько. Сто златников – вот мой ответ. Сто златников – даже для такой собаки, как ты, будет изрядная сумма денег.

– Как же я смогу добыть для тебя руду за такие деньги? Я сам заплачу больше! – человек, судя по всему, был храбрее или наглее, чем мог показаться на первый взгляд.

– Я знаю твои уловки, хитрец, сейчас ты будешь долго врать о том, что тебя обдирают как липку. Врешь, пес, все врешь! Сто златников – мое последнее слово.

– Тогда нам не о чем говорить, – человек встал, словно не обращая, как мертвый сжал кулаки и заскрипел зубами, руками цепляясь за ножны. Человек стал нарочито медленно накидывать свой плащ и уже было направился к двери.

– Стой. Сто пятьдесят мое последнее слово.

Человек пожал плечами и повернулся обратно к выходу.

– Стой, говорю! Двести. И все. Точка. Двести – больше даже я не смогу прибавить.

Человек обернулся и заулыбался.

– Вот теперь ты разговариваешь, как человек дела.

– Перестань так улыбаться, или я тебе все зубы выбью.

За другим столом мертвый тоже общался с человеком, вот только они уже договаривали, когда Сейвина вслушалась в их речь.

– Когда ты поедешь в Темный замок? – спросил человек.

– Сегодня в полночь. К тому моменту погрузи все в мою телегу.

– Монеты вперед.

– Еще чего, размечтался.

– Тогда грузить буду завтра после расчета.

– С чего это такое недоверие? Я тебя, собаку, когда-нибудь обманывал?

– Ну, знаешь, ли, идет война, доверять никому не приходится. Сегодня дружишь – завтра нож в спину воткнешь.

– Мне некогда с тобой возиться – держи деньги, и я тебя предупредил – все должно быть готово к полуночи. Мне еще всю ночь ехать, а я не должен застать рассвета в этих краях. Ненавижу свет.

– Кто бы сомневался, – усмехнулся человек, – все будет сделано.

– Обманешь – из-под земли достану и заставлю тебя есть твои собственные кишки. Все ясно?

– Куда уж яснее.

Услышав разговор последних, Сейвина поняла, что нельзя упускать такую возможность – в полночь нужно будет отправиться вместе с мертвым в замок князя Чернека. Это будет безопаснее всего – не придется разузнавать про дорогу туда, тем самым вызывая подозрение окружающих. У нее был браслет солнца, с которым она могла невидимой пробраться в замок. Но что было делать с Громом? Он невидимым стать не мог, стало быть, нужно было бросить его здесь, пешком же она будет идти очень долго, слишком долго, а времени у нее совсем не было.

Чернек целые сутки был в своих покоях. Он ни с кем не виделся, ни с кем не встречался; его мало интересовали события, происходящие в мире, будь то война с Чудью или же вести из Радии. Как же так могло случиться, ведь еще вчера все, о чем он мог думать, была его роль в грядущих войнах? Так получилось, что Чернеку в голову пришло неожиданно решение того, что можно было сделать в одном из опытов, давно оставленным им за безысходностью. Потому

он среди ночи вскочил и отправился в огромный зал, где хранились все его заклинания, все настойки и растворы, все зелья, яды, все материалы для его опытов.

Как только он зашел в зал, двери за ним сразу же захлопнулись, ведь они были заколдованы, и лишь он мог открыть их. Чернек сразу же бросился в одну из дверей в конце зала, за которой в большой комнате хранились его заклинания. Он судорожно перебирал один сверток за другим, откидывая на пол все, что ему не подходило.

– Ты должен же быть где-то здесь, – бормотал он, – не мог же ты мне привидеться!

И тут он наткнулся на заклятие, которое искал. Он схватил сверток с большим облегчением, выбежал в залу, зажег одну из лампадок на столе и стал читать сквозь тусклый свет.

– Вот теперь я понял, теперь я понял! – вскричал он сам себе, – все это время разгадка была у меня прямо перед носом: оно было написано на другом языке, на очень похожем, но другом. Потому я все время немного искажал смысл, а теперь все должно сойтись!

Едва справляясь с волнением и предвкушением восхитительного события, которое должно было вот-вот случиться, он стал делать все в точности так, как было написано в свертке с заклинанием. Целый день он трудился, ошибался, все переделывал, пока наконец оно не случилось. В темноте, на огромном столе крошечный белый вихрь взмыл резко, но не высоко, ибо был он слишком маленьким и слабым. Чернек не мог отвести от него завороченный и восхищенный взгляд. Вихрь был слишком слабым из-за маленького количества ценных ресурсов, используемых для его создания, и ему должно было погибнуть сегодня. Однако завтра, когда они добудут необходимые материалы в очень большом количестве, мир уже никогда не будет прежним. Теперь Чернека никто и ничто не мог остановить; небывалое всемогущество переполняло его.

Сейвина поднялась из-за стола и вышла из харчевни. Смеркалось, на улице никого не было. Чуть поодаль стоял Гром на привязи, единственный конь у постоялого двора.

– Ступай домой, и не вспоминай про меня! – сказала Сейвина. Он взглянул на нее своими большими грустными глазами, слегка кивнул и поскакал прочь. Отступить было некуда.

– Очень красивый конь, – услышала она сиплый голос позади, и резко обернулась, – такие сюда редко забредают.

Это был невысокий мужчина средних лет с красным испитым лицом, его не только бедная, но и слишком грязная одежда выдавала в нем несемейного человека, а значит, от него нельзя было ожидать ничего хорошего.

– Да, очень красивый, – многословно ответила она и отвернулась от него, чтобы уйти, однако бедняк схватил ее за локоть.

– Не так быстро! – она вывернулась и оказалась лицом к его, так близко, что почувствовала резкий отвратительный запах грязи и пота, – думаешь, я не заметил, в каких одеяниях ты расхаживаешь? Давай все свои монеты сюда, да быстро!

Сейвина замерла в нерешительности, ведь она еще никогда не сталкивалась с подобными повадками. Она сделала осторожный шаг назад, не выпуская из глаз ни одного движения мужчины.

– Давай сюда деньги, оглохла что ли?

Она бросила ему свою сумку в ноги. Он не пошевелился, но слегка подался вперед, затем снова набросился на нее, пытаясь повалить на землю. Сейвина ощутила мощный прилив ярости и отвращения, и изо всей силы ударила его кулаком в глаз, он взвыл от боли и упал на землю, хватаясь руками за лицо, ибо удар ее был намного сильнее человеческого. Она забыла об этом и не рассчитала силу, а грабитель, похоже, даже встать не мог от головокружения.

Сейвина подобрала свою суму и пошла дальше по улице. Спрятавшись в темном закутке, она с трепетом достала древнейший артефакт Духовлада, браслет солнца, и надела его. Близились полночь, следовательно, мертвец должен будет направиться в Темный замок. Сейвина

осторожно, едва касаясь земли, прокралась обратно к харчевне, – ее не могли видеть, но могли слышать. Грабителя там уже не было. Она заглянула в маленькое засаленное окошко, – в дальнем углу мертвец по-прежнему сидел за столом, но один. Она замерла в ожидании, дыхание ее участилось, а сердца стук с силой отдавал в уши, нужно было ждать, и она осталась стоять там и напряженно следить за происходящим.

Через какое-то время она услышала в тишине и мраке ночного городка далекий стук лошадиных копыт и скрип телеги. Это был тот человек с товаром, что был нужен мертвецу, поняла она по приближающемуся звуку. Когда телега поравнялась с харчевней, человек остановил лошадь, спрыгнул с телеги и вошел внутрь, это был тот самый торговец. Он прошел не далее, чем в аршине от нее, сквозь тусклый свет трактира она разглядела его уже немолодое усталое лицо и синие мешки под глазами, почувствовала запах хмеля, пота и грязи, исходивший от него, а он и бровью не повел, словно ее здесь и не было совсем. Через несколько минут он вышел из трактира с мертвецом, которого выдавало все, даже его походка – одна его нога почти не двигалась и больше волочилась по земле, он шел медленно, слегка пошатываясь. Он подошел к телеге, заглянул под накидку, довольно хмыкнул.

– Хорошо, – сказал он, и стал забираться на телегу. Сейвина осторожно приблизилась к дальнему краю телеги и легко запрыгнула в нее. Человек махнул рукой и побрел вниз по улице, удаляясь. Лишь лошадь недовольно фыркнула, бросив мутный мертвый взгляд на Сейвину, она ее, конечно же, не видела, но что-то почувствовала. – Что ты фыркаешь? – мертвец посмотрел по сторонам, принюхиваясь. Он недовольно поморщился. – Не переживай, мне тоже противен этот запах, но мы уже скоро уедем из этого вонючего места. – Он схватил узды, и мертвая лошадь послушно тронулась.

Так начался их путь через мертвую долину с вычерненной почвой и высушенными корягами вместо деревьев, где ни ростка, ни цветка не росло, а на черных паутинах веток собирались стервятники и вороны, которые хрипели, судорожно открывая свои клювы, но уже не могли каркать, как раньше. Где свинцовые тучи спускались к земле так низко, словно падали на нее, и серый туман расходился от них по земле. Сейвина никогда не видела ничего подобного прежде – при ней здесь на земле все цвело и благоухало, травы, деревья и лепестки тянулись к ней, как к солнцу, и почва была матерью всему живому. Она смотрела на этот обеспокоенный дол, и тихая жуть поднималась у нее по коже и подступала к горлу, волосы поднимались на голове. Они пересекали огромный разграбленный погост, где опустошенные могилы, словно черные глазницы, были раскиданы повсюду. Какое же войско собрал для себя Чернек, ужасалась она. При виде измученной земли стыд поднимался из самой глубины ее сердца и, как кипяток, ошпаривал ее изнутри: не могла она не думать, что по ее недосмотру земля так страдала, деревья, трава и цветы гибли. Брошенная и беспомощная, в чем была земля виновата?.. Лишь зловещее поскрипывание телеги было ей ответом.

Однообразно проходили будни в монастыре дидилианства, и скука оседала толстыми слоями пыли на столах, стульях, редких скромных деревянных полках, даже на стенах и на полу; еще больше ее оседало в сознаниях обитателей. Так порой казалось самой Деяне, бывшей и не бывшей настоятельницей монастыря вот уже много лет. Сейчас она читала один древний документ, а рядом с ней в кабинете сидела ее послушница, которая также что-то читала из реликвий. Монотонно переводили они страницы в полной тишине.

– Признайся, Деяна, – вдруг промолвила послушница, подняв свою седеющую голову и открыв серое невыразительное лицо, – ведь ты сделала это нарочно?

– Совершенно не понимаю, о чем ты толкуешь, – ответила та будто искренне.

– Ты приготовила эти рукописи в библиотеке про Чернека нарочно, чтобы она прочла их, ведь так?

– Приготовила для Сейвины, но что же в том такого? – улыбнулась Деяна, видно, не собираясь сдаваться так просто.

– Рукописи, которые хранились в твоём тайнике уже много лет, на которые никому нельзя было взглянуть даже одним глазком, принесла Сейвине? – послушница улыбнулась, не веря ни одному слову настоятельницы. – Ты верно хотела, чтобы она отправилась к нему? Ты ведь и не отговаривала ее?

– А зачем мне отговаривать ее? – Спокойно ответила Деяна, и по блеску ее глаз стало ясно, что она не отрицала своей причастности к тому, чтобы Сейвина отправилась в Темный Замок.

– Стало быть, ты хотела бы, чтобы она пошла туда. Настанет день, когда ты пожалеешь об этом. Это слишком опасный поступок, и не только для нее, для всех нас.

– Для нас уже нет ничего опасного. С нами уже ничего не случится: ни хорошего, ни плохого. Для других, быть может, и есть угроза. Однако она бы все равно отправилась туда, ведь Сейвина приняла решение еще до того, как ступила на наш двор.

– Как она сможет проникнуть туда, разве возможно, чтобы она вообще увидела Велибора?

– У нее есть артефакт солнца. С ним она будет незримой, и сможет помочь Велибору.

– Но ведь только один его может надеть? – немного озадаченно спросила послушница.

– Все верно.

– Ты отдаешь ее в руки Чернека, вот так просто? – вскрикнула послушница, – у нее ведь нет ни единой возможности выбраться. О чем ты думала?!

– Она сама сделала свой выбор и знает, на что идет. Благо она все прочла про Чернека, и знает о нем намного больше, чем он может представить себе. Именно это не просто дает ей преимущество перед ним, но гораздо, гораздо больше. Теперь она увидит в нем человека, что бы он ни сделал, что бы ни сказал. И она будет относиться к нему, как к человеку. А вот это уже, милая моя, будет страшным испытанием для самого чернокнижника.

– В таком случае, это может закончиться совершенно обратным результатом от того, что ты задумала. И тогда мир вздрогнет, и тогда уже мало что сможет помочь людям.

– Должна признаться, и такое развитие событий возможно, ведь, как я уже говорила, земля все выдержит, все вынесет, даже то, что не должно ей. Однако я не верю, что так будет.

– Будем молиться, чтобы ты не ошиблась, иначе...

Послушница не договорила, лишь дернула плечами, будто слишком живо представила себе такой исход событий. Однако, даже представляя, как все может обернуться, она уже не могла так печалиться, как в былые времена. С некоторых пор мир вовне этих стен все меньшее и меньшее значение имел для них, как бы они ни пытались сохранить свою причастность к нему.

Глава третья

Когда вдали показались размытые мглой очертания Темного замка, Сейвина затаила дыхание и сжала всю свою волю в кулак: зловещие башни, будто надгробия, возвышались над равниной и прятались в тучах. Перед стенами крепости расположился стан войска Чернека, от которого шел невероятный шум: крики, ругань, удары оружия доносились до повозки. Они проезжали мимо армии полужеленых существ, когда-то, верно, бывших людьми. Сейчас же от этих людей остались лишь ходячие кости с полугнилой плотью – это были самые настоящие мертвецы, умруны. Они были сгнившими настолько, что внутри ничего не осталось, кроме белых личинок. Сколько же лет они пролежали в могилах прежде, чем их подняли? Все они между собой не ладили, постоянно ругались, вступали в драки, отрывали друг другу конечности, а потом опять цепляли их обратно. Сколько погостов разграбил Чернек, чтобы собрать

такое войско, Сейвина не могла предположить, одно было ясно: собралась она здесь под этими зловещими стенами не просто так, и недолго им здесь оставаться было.

Телега остановилась вдали от ворот, у рва, в котором вместо воды было густое зеленое болото. Мертвец подал сигнал часовому в башне, и ворота стали медленно опускаться. Телега въехала в пределы замка. Сейвина с неслышно спрыгнула с телеги и стала наблюдать, как к мертвецу стали медленно подтягиваться ему подобные.

– Хромоногий, что у тебя тут? – спросили они, с любопытством взирая под покров.

– Как обычно, все самое необходимое для Чернека. – отвечал тот нехотя, хватаясь за покров, чтобы никто не мог подсмотреть.

– Зачем такое количество этих пузырей Князю? Нам нужно еще большее войско, а для войска нужны такие же вояки, как мы с тобой. Почему мы не грабим больше погостов? Он уже которую повозку склянок везет. Нам нужно оружие и воины!

– Воины! – засмеялся мертвец с одним глазом, – это кто? Ты, что ли? – от его заливистого хохота засмеялись и все остальные.

– А то нет! Из таких, как я, и складывается мощное войско! – зло отвечал тот.

– Подумай хорошенько, прежде чем усомниться в грамотности нашего владыки, – огрызнулся Хромоногий, – Чернек лучше знает, что сейчас нужнее для него. Склянки, так склянки. А что до оружия – так будет у вас оружие в таком количестве, что и на вас, олухов, много будет. Седой уже договорился в Васильковом городе, будет вам и руда, будет вам и железо, и оружие!

Мертвецы радостно взвыли.

– Что это за сборище? – послышался ледяной голос. Поодаль стоял невероятно высокий крупный человек, нет, не совсем человек, скорее мертвецки бледный человек, с черными бровями, резко выделяющимися на белой коже и такими же темными волосами. Он был одет, в отличие от всех остальных, в хороший сюртук. Сейвина так старательно пыталась понять, зачем могли понадобиться в таком количестве Чернеку ртуть, кальций и фосфор, которые она разглядела в склянках, что не заметила, как высокий человек появился здесь. Она с интересом посмотрела на него: был ли этот огромный мертвый самим Чернеком? – Если наш правитель увидел бы вас, как вошь, собравшихся здесь, и пустословящих, будто у себя в деревнях, а не на войне, он бы вас на куски разнес.

Нет, то был не Чернек, то был вурдалак, подумала Сейвина. Как же интересно получалось: даже здесь, в пределах замка было свое деление на сословия. Видимо, вурдалаки и были верховными сословиями здесь.

– А ну быстро за работу! Быстро перенесите все в зал Чернека! – рявкнул вурдалак.

Умруны принялись носить пузыри в замок. Сейвина весьма осторожно последовала за одним из них, самым неуклюжим, что так красочно пыхтел, что сквозь эти громкие хлюпанья совсем не слышно было ее шагов и дыхания. К ее разочарованию, высокие двери зала были закрыты, и мертвецы лишь сносили все ящики с колбами к двери, составляя их у стены. Сейвина остановилась и оглянулась, она увидела, как удалялся по коридору тот самый большой вурдалак. Она пошла за ним, надеясь, что он приведет ее к тайнам этого замка.

Но он привел ее в свои, хоть и скромные, но все же уютные покои, словно убранные женской заботливой рукой. Сейвина прошла за Зораном в его кабинет и там притаилась. В сумраке книжных полок белая тень пряталась в самом углу: Сейвина почти вздрогнула, но Зоран не шелохнулся, он бросил долгий, протяжный взгляд на белую тень.

– Ружана, прошу тебя, не прячься там, выходи, иди ко мне.

Тень вздрогнула, словно до этого не замечала присутствия Зорана в комнате. Она висела рядом с книжными полками в воздухе, совершенно сама по себе, закутавшись в своих мыслях.

– Кто с тобой? – спросила она, и в голосе ее сверкнули на мгновение истеричные нотки, она выкатила свои и без того большие глаза на него.

– Кто со мной? О чем ты? – пытаюсь скрыть усталость, отвечал Зоран, – Я один. Посмотри вокруг. Да и кого бы я мог привести с собой?

– Я не знаю. Мне просто показалось, что здесь кто-то есть, кроме тебя. – промолвила она, немного успокоившись.

– Иди ко мне, – Зоран открыл объятия, светлая тень приблизилась к нему и осторожно положила свои невесомые руки ему на широкие плечи, а голову положила на его грудь, словно боясь провалиться в него. Воздушный призрак, вытьянка, не более, чем блик света в полумраке, Ружана была тем не менее прекрасна, быть может, совсем не так прекрасна, как тогда, когда была плотью и кровью. И все же даже сейчас черты ее, несмотря на невозможную бледность, были правильными, как у статуи, а большие глаза были невероятно выразительными, в них и заключалась суть ее красоты: они передавали много больше, чем могла передать внешность в целом.

– Ты нашел что-то там, в этой повозке? – раздался ее голос после продолжительных объятий в тишине.

– Нет, только колбы с разными веществами, как обычно. Ему не привозят больше никаких свертков, видно, все заклинания, которые ему могли понадобиться, уже есть у него.

– Но я их все просмотрела, там нет ни слова о магии жизни! – воскликнула она резко, будто обвиняя его в том, что он никак не умел найти то, что ей нужно было.

– Тихо, тихо, я знаю, – говорил он, глядя ее призрачные волосы. – Я знаю, что нам нужно. К сожалению, сегодня нам не найти их.

– Я начинаю сомневаться в существовании этой самой магии жизни, – ее губы судорожно скривились, и она отплыла от Зорана.

– Магия жизни не может не существовать, Ружана, милая. Без нее не было бы ничего – ни мира, ни людей, ни нас. Конечно, она есть. Просто нас все время сбивают с пути. Помнишь, когда-то Чернек говорил, что самым верным подданным в награду за преданную службу он предоставит права выбора: остаться тем, кем он есть, или пройти обряд воскрешения и возвращения в люди.

– Я не хочу снова быть человеком, я хочу быть вурдалаком, как и ты! – нетерпеливо вскричала Ружана, заламывая нервно руки, – но для этого мне нужно стать снова человеком.

– Я знаю, тихо, тихо, не переживай, – он подошел к ней и снова стал гладить ее по голове. – Чернек не придумывал это, я уверен, у него спрятаны где-то эти свертки с заклинаниями. После окончания войны он может вспомнить о своих обещаниях.

– А если не вспомнит? – она упала на кровать, совсем изнеможенная от бесконечных сомнений, – Если не захочет раздавать такие заклинания направо и налево? А если война будет длиться целую вечность? У нас большая армия, но враждебных земель так много, и каковы наши шансы на успех? Один к десяти? Один к ста? Я не вижу конца всему этому, просто не вижу.

Зоран сел на край кровати рядом с ее воздушным телом, уронил лицо в ладони, тяжело вздохнул, и комната погрузилась в безнадежное молчание. Сейвина затаила дыхание и боялась выдать себя малейшим шорохом или вздохом: все в ней было напряжено от волнения. Так тянулись, казалось бесконечные минуты, пока Ружана не приподнялась на кровати и не прервала слишком долгое молчание.

– Ты не представляешь, как я устала. Все во мне устало, все до последней клетки. – Она нервно хохотнула, – как это странно я говорю: ведь во мне ничего и нет! Что я? Не материя, не ткань, лишь вытьянка, то, чего нет, и попробуй докажи, что все наоборот. Временами я и сама сомневаюсь, что я есть. Если бы я действительно была, разве могла бы я ничего не ощущать, ничего не чувствовать? Я дотрагиваюсь до этой великолепной ткани покрывала, но я не ощущаю ее, словно она призрак. Я дотрагиваюсь до тебя, самого прекрасного мужчины на земле, моя любовь, но что я чувствую? Ничего, словно ты призрак. Я смотрю в зеркало, и что я вижу?

Бледная бескровная тень, жалкая тень от меня былой, с румяными щеками, зелеными глазами, завидными формами. Ничего этого не осталось. Словно во мне одна бесконечная пустота, и нет ничего, кроме нее, и никогда не было.

– Ружана, пожалуйста, – застонал Зоран, будто ее слова приносили ему самые настоящие физические муки. – Остановись. – но он не чувствовал в себе сил возражать и останавливать ее дальше.

– Сколько лет уже прошло? – говорила она, ничего не замечая, – Первые двадцать, тридцать лет я была полна надежды, он дурил нам голову, говорил, что все возможно, что верный труд будет вознагражден. И что теперь? Сколько смертей на моих руках? Скольких я превратила в вытьянок? Скольких уничтожила? Разве не я ли верно служила ему все эти десятилетия? Но он и не помышляет о том, чтобы держать свое слово, он и не помышляет остановиться, ему нужно все больше: сначала нам нужен был клочок земли и дом, мы отвоевали это место и стали жить снова, как господа. Но ему нужны были новые земли, больше земель, а теперь ему нужны целые государства, мировое господство. Он безумен, ему всего мало.

– Он безумен и всегда им был, но и невероятно одарен. Чернек – наша основная надежда, милая. А если он забудет о своих обещаниях, то на этот счет у нас с тобой свой план: я ведь ни на секунду не перестаю искать способ сделать тебя человеком. В конце концов, если бы не Чернек, мы бы с тобой никогда не встретились. Ты бы умерла от болезни юной девушкой, а я бы никогда не стал вурдалаком и просто погиб в бою. Меня он сделал таким, каков я есть, не спрашивая моего разрешения, но я все равно был рад: уж лучше так, чем смерть.

– Он мог сделать и меня вурдалаком, но он предпочел предложить мне совсем другое, он обещал, что я буду намного могущественнее и прекраснее, чем вурдалак, а я, глупая, наивная, ничтожная девчонка, поверила, и что со мною случилось? Вытьянка! – она с таким отвращением произнесла последнее слово, словно все ей было чуждо в нем.

– Он не соврал, когда говорил, что ты будешь могущественнее, чем вурдалак. Ты способна за мгновение пронестись сквозь людей и убить их.

– Результат его опыта! – горько усмехнулась Ружана, – ты же знаешь, сколько умерло людей, прежде чем он сделал это со мной. Я тоже могла погибнуть, как и все остальные.

– Но ты не погибла. И благодаря тебе не умерло несколько других людей, которых он обратил в вытьянок. В конце концов, ты была так безнадежно больна, что он не мог обратить тебя ни в кого другого, кроме вытьянки. Тебе ведь оставались считанные часы, когда ты появилась здесь в поисках Чернека. У него не было времени на то, чтобы обратить тебя в вурдалака. Он пошел на это ради тебя: так у тебя был шанс выжить.

– Да, – она горько усмехнулась, – эта мысль утешает меня долгими бессонными ночами... Но порой другая дума гложет меня, как голодная собака свою кость, думка о том, что все это лишь оправдание, придуманное Чернеком, чтобы не терять моего доверия. Можно ли положиться на его слова?

Он не отвечал, будто она разговаривала сама с собой.

– Мне пора идти на Совет, Ружана. Постарайся отдохнуть и не терзаться бесплодными мыслями, которые не принесут тебе ни решения, ни успокоения. Что бы ни случилось, я позабочусь о тебе, думай только об этом.

Зоран поднялся и пошел прочь, Сейвина неслышно побрела за ним, дивясь тому, что никто больше не чувствовал ее присутствия. В большом каменном зале, где собирался Совет, уже сидели за длинным столом другие вурдалаки, члены Совета. Каменный зал не пестрел убранством: несколько старых линялых гобеленов висело на одной стене, а другая стена тремя высокими узкими окнами выходила на умерший сад, где высохшие деревья, как покойники, навсегда застыли в обожжённой стойке. Вурдалаков-советников было трое: все они были бледными и молодыми, при неярком свете их даже можно было принять за людей, болезненных и хмурых. Худощавый вурдалак с тонкой бородкой, Лесьяр, был очень скрытным, и взгляд его

пытался спрятать то, что творилось у него на уме, потому он сразу особенно не понравился Сейвине. Ростих, внешне несколько старше остальных, имел грубоватые, ожесточившиеся от времени черты лица. Он производил впечатление существа, в свое свободное время с огромным удовольствием причиняющего боль другим без какой-либо на то причины. Все трое с недоверием взирали друг на друга исподлобья.

И вот в зал вошел сам великий некромант, князь Чернек. Сейвина ужаснулась: если вурдалаки были почти неотличимы от людей при этом тусклом свете, то Чернек был явно мертвым, кожа его имела болотный оттенок, худые щеки ввалились, веки были темными, словно он очень давно не спал. Он был очень худым, и все же выглядел так, словно много десятилетий назад перестал подвергаться процессам гниения, по всей видимости, произошло это, когда силы его колдовства окрепли, и он нашел потерянные заклинания некромантов.

– Я только что получил известие о том, что войска Радии снова были разбиты чудью, остатки бежали в разные стороны – они разбросаны. Чудь уже через неделю будет в Родограде, если только не произойдет чудо, а значит, и вся Радия скоро будет покорена.

– Нам нельзя медлить, мы должны сию минуту выдвигаться в путь, – почти закричал Ростих повелительно.

– Разумеется. – Вторил ему с хитрой улыбкой Лесьяр очень спокойным голосом, – но позволь спросить, если это тебя не затруднит, зачем именно?

– Как зачем? – раздраженно отвечал Ростих, – горные прииски на юге Радии прямо перед нами – наконец-то мы сможем завладеть самыми необходимыми ресурсами. Если мы помедлим сейчас, то их захватит Чудь уже через неделю-две. А с ними мы воевать не собирались, сколько я помню.

– Нет, не собирались, – утвердительно покачал головой Чернек, который все это время внимательно слушал своих советников.

– Вот именно, – продолжал Ростих, приободренный словами правителя, – нам мешают наши договоренности с ними, и мы не готовы сейчас к войне со столь могущественным противником. Радия – вот наша цель с самого начала. Но с Волибором эта цель была невозможна что для нас, что для Чуди, сейчас же, когда самого сильного полководца у Радии нет, земля эта вся на ладони перед нами. Если мы не захватим южные прииски, они достанутся Чуди, а это лишь упрочит их положение, что нам совершенно не нужно: они и без того укрепятся сейчас, после захвата северной Радии.

– Позволь спросить, Ростих, – молвил Лесьяр с прежней хитрой улыбкой, – о каких именно приисках идет речь?

– О рудных и золотых, разумеется, о лесопилках за горами. Нам нужно оружие, нам нужно золото, нам нужно дерево для строительства крепостей и защитных сооружений.

– А что же о местах добычи ртути, селена, фосфора, кальция, и еще много другого, не стану перечислять всего? – спросил Лесьяр, – Как быть с этими веществами? В Радимиче ничего подобного нет. Зато в Строимире на юге есть эти вещества.

– Нам не нужны эти вещества в тех же количествах, что руда и золото, – засмеялся Ростих, – Чернек, рассуди, что важнее, жидкости для опытов или пуды оружия и золота?

– Не будь так самоуверен, – отвечал ему Чернек, – Ты не знаешь ничего о том, что происходит в стенах моего зала. И ты не представляешь, какое могущественное оружие может быть порождено там: настолько могущественное, что все наше войско станет нам ненужным. – От этих слов по лицу Ростиха пошли разъяренные колтуны, а Лесьяр вновь расплылся в довольной улыбке.

– Что же ты предлагаешь? – заговорил он, немного повышая голос, – бросить сейчас все силы на юг, на Строимир? Это сильная земля, и мы совершенно не продумали нападение на нее.

– Внезапность – вот наш оружие сейчас, – сказал молчавший все это время Зоран, – весь мир ждет, что мы бросимся сейчас на останки Ради, как коршуны после боя. Строимир не готов к внезапному нападению – их пограничные селения не укреплены, войска разбросаны по городам – мы могли бы оторвать их друг от друга, захватывая город за городом, село за селом.

– Строимир – огромная территория, если мы начнем завоевывать город за городом одним войском, они успеют собрать силы и противостоять нам сильнейшей армией.

– К тому времени и мы соберем еще большее войска – подумай только, сколько умрунов мы соберем. Сколько вытязнок принесет нам Ружана, – говорил Зоран, – а если, точнее, *когда* опыты Чернека увенчаются успехом, со всеми местами добычи нужных веществ – мы сможем создать такое войско, что ни Строимир, ни Радия, ни чужь вместе взятые не будут нам страшны. Никто не поймет наших действий, тем лучше для нас: мы всех введем в замешательство, нас не воспримут всерьез, и все просчитаются.

– То есть ты предлагаешь сейчас забыть о Радии и двинуться на самый юг? Зачем тогда мы вообще вступали в сговор с чужью? Зачем помогли им разгромить Радия, зачем захватили Велибора, отдали им Родоград?

– Затем, мой дорогой Ростих, – отвечал ему Лесьяр, – что нам нужны были средства для поднятия войска и оружия, для закупки сырья для опытов – все это было возможно только благодаря нашим давешним переговорам с чужью и обещаниями, которые мы им дали. А теперь мы двинем наше войско на юг, потому как север нам пока не так интересен.

– И все-таки я считаю, что нам нужно выделить небольшое войско для севера, – вдруг сказал Зоран, отчего Лесьяр нахмурился, и довольная улыбка сошла с его лица так же быстро, как и появилась давеча, – небольшого войска будет достаточно для захвата рудных и золотых приисков, для выставления гарнизонов. Чужь будет не совсем довольна таким развитием событий, но не посмеет сразу же объявить нам войну: они будут измотаны после сражений с Радией. Чужь, разумеется, начнет готовиться к тому, чтобы начать вторую волну расширения своих границ – золотые прииски и рудники будут лакомым кусочком. К тому времени мы должны закрепить свои успехи на юге и усилить гарнизоны на северной границе так, чтобы удержать их от искушения нарушить мир и вероломно вторгнуться на нашу территорию. Зачем, спрашивается, нам нужны эти прииски, которые могут прослужить нам не так уж и долго? Затем, что все-таки какой-то промежуток времени они нам прослужат, а может, если мы будем действовать быстро и решительно, прослужат еще дольше. И за это даже небольшое время они принесут нам большие поступления в казну, которая у нас пополняется редко, а расходуете крайне быстро. Мы получим постоянные пополнения, столь необходимые для ведения войны такого размаха.

– Это просто дико – идти на Строимир, когда рядом столь легкая добыча! – зарычал Ростих. – Я говорю, надо двигаться на север!

От рыка Ростиха все умолкли, опустили глаза на несколько мгновений, а затем подняли взор на Чернека: мнения расходились, и от него зависело решение и суть всего обсуждения теперь. Все время, пока они спорили, он смотрел то на неровный потолок, то в узкие окна, на черные земли. Сейчас же он наконец заговорил, нарочито медленно и протяжно.

– Еще несколько недель назад исход нашего совета был бы весьма однозначным. Мы бы пошли на север. Но сейчас обстоятельства изменились, и обязаны мы этим моему недавнему открытию. Я бы сказал, не побоюсь этого слова, что мною был совершен прорыв – впервые за долгие годы. Новое заклинание поможет нам создать оружие, какого ни свет, ни тьма еще не видывали. Но для этого нам нужны возможности юга, а не севера. Потому мы отправимся именно туда, хотя и отправим небольшие войска на север для захвата приисков. Ростих, поскольку тебя особенно интересовала ситуация с ними, ты и отправишься на север в горы, захватишь их и выставишь крепкую защиту для их обороны, будешь головой отвечать за успех этого похода.

Ростих поерзал на стуле, лицо его начинало все больше темнеть, а брови сдвигались все ниже. Никто не видел, как он сжал кулаки под столом.

– Лесьяр и Зоран, ваша задача сейчас – наметить внезапное наступление, просчитать самые слабые места на границе Строимира.

Зоран и Лесьяр довольно кивнули головами. Все уже готовы были подняться, чтобы покинуть собрание, как Лесьяр вдруг вспомнил:

– Остается одно небольшое уточнение, – все обернулись к нему устало и недоуменно, – что мы будем делать с Велибором? Оставить его здесь мы не можем – в замке будет не такой сильный гарнизон, а риск того, что он попадет в чужие руки может иметь для нас слишком тяжелые последствия. Возить его с собой как пленника мы тоже не можем – в походах не до того, да и риск побега возрастет.

– Посему его необходимо уничтожить, это ли предлагаешь, Лесьяр? Не ходи вокруг да около, – недовольно фыркнул Зоран.

– Почему бы и нет? – улыбнулся тот, – ты так переживаешь, будто немного сочувствуешь самому сильному полководцу среди людей.

Это обвинение заставило всех взглянуть на Зорана с любопытством, и Чернек с подозрением покосился на него.

– К Велибору я не питаю никаких теплых чувств – от него исходит угроза всем нам. Просто мне бы хотелось, чтобы все ясно понимали, что он нам не понадобится более. Если мы сейчас его уничтожим, то...

– Воскресить его уже не сможем! – захохотал Лесьяр, – блестяще, блестяще! Мы и не будем его убивать, мы сделаем его одним из нас, обратим его. Его способности перейдут на нашу сторону.

– Я бы не был так уверен в этом, – сказал Зоран, – разве есть доказательства того, что он встанет на нашу сторону? Если он обманет нас и лишь притворится, что он на нашей стороне, а сам приготовит для нас ловушку?

– Это уже чересчур, – сказал Чернек, – история не знает ни одного примера, чтобы кто-то, обратившийся к магии смерти, сохранил свои прежние убеждения. Стало быть, решено, он должен стать одним из нас. И я даже знаю, кем.

– Вурдалаком. – промолвил Зоран.

– Совершенно верно. Зоран, препоручаю это дело тебе. Сегодня в полночь чтобы все было сделано.

После сих слов Чернек встал и пошел прочь, за ним же встали задумчивые советники, хмуро, с недоверием поглядывающие друг на друга.

Сейвина, начинавшая терять силы от бессонной ночи медленно побрела за Зораном. В глазах у нее уже начинало мутнеть, и ноги будто не слушались ее, но сердце, сердце стучало быстро, словно отбивало дробь ее мыслей.

Зоран прошел по длинному темному коридору напрямик в свои покои; Сейвина не последовала за ним, однако успела увидеть тоскливую белую дымку души Ружаны, мелькнувшую сквозь закрывающуюся дверь. Зоран входил туда, будто крепясь, будто готовясь к новым истерикам и перепадам настроения своей возлюбленной. Возлюбленной! Сейвину передернуло от этой мысли: сколь странным был этот союз, сколь невозможным, и все же многие годы он длился, хотя их чувства заставляли их изматывать друг друга изо дня в день, при том не давая ни на минуту помыслить о разлуке. Словно они так прижились и притерлись к этому несопоставимому сосуществованию, что уже не смогут привыкнуть к новому состоянию духовного уюта, столь чуждого и неясного для них.

Сейвина надеялась сначала, что Зоран приведет ее к темнице; сейчас же нужно было самой искать путь к ней. Ее чутье не подвело ее; не сразу, но она все же нашла путь в подземелье. Она проскользнула мимо первых часовых и стала спускаться вниз по крученой лестнице

– чем ниже она шла, тем тяжелее становился воздух, наполненный запахами мертвой плоти, гниения и грязи. Камни стен были большими и неровными, их неотесанные края были совсем не прикрыты, стены становились все ниже, и ниже, словно потолок спускался вниз. От затхлости Сейвине начало становиться все сложнее идти легкой неслышной поступью, голова кружилась. Она внимательно смотрела на решетки, но они были полупустыми, а те, что были не пустыми, были обителью для костей. Лишь в нескольких камерах она увидела каких-то умрунов, осужденных, видно, за какие-то злодеяния.

Пройдя мимо очередных стражей, она случайно шаркнула сапогом по каменному полу, отчего те сразу встрепенулись и стали озираться по сторонам. Она отпрянула от них и застыла на месте. Но стражники, как и полагалось, списали все на эхо в бесконечных коридорах темниц. Оба зевнули, пожали плечами и успокоились. А Сейвина же, с еще немного дрожащими коленками под доспехами и платьем, пошла дальше. Ее уже начинало охватывать отчаяние, потому как она никак не могла найти Велибора: она все дальше от поверхности, от воздуха, что, если его здесь никогда и не было? Что, если он запрятан в тайных темницах в совсем другом месте, как самому опасному противнику и должно быть? Вдруг совершенно неожиданно она увидела человека за решеткой: он сидел на корточках, пряча голову в руках, недвижимый, словно застывший. Она не могла видеть его лица, она едва ли различала его очертания в этой темноте своими уставшими полусонными глазами; все же Сейвина не сомневалась ни на толю, что перед ней был Велибор. Она осторожно приблизилась к решеткам и взялась руками за грязные пыльные прутья, пытаясь лучше взглянуть в него. Человек резко поднял голову и взглянул прямо на нее, он вперился глазами в ее глаза, заставив ее вздрогнуть. Видел ли он ее?

– Кто здесь? – спросил он безразлично, и затуманенный взгляд его стал смотреть по сторонам, в поисках кого-то.

Сейвина совсем не поняла, как он мог почувствовать ее присутствие; видно, за время заочения в совершенной тишине и уединении все его чувства обострились, и он слышал любой шорох, вздох и выдох.

Она помедлила, в нерешительности, словно не зная, что сейчас было бы правильнее всего сказать; поняв же вдруг, что, что бы она ни сказала теперь, все будет верно и неверно одновременно, она заговорила:

– Не пугайся, я пришла как... друг, как союзник. – Она осторожно сняла браслет солнца и стала внезапно вся осязаема и видима.

Глаза Велибора расширились, он поднялся и подошел к ней. Сквозь темноту он пытался рассмотреть ее лицо, но оно пряталось под капюшоном, и он видел лишь ее подбородок и очертания губ.

– Ты ведь ... не человек? – сказал он, словно не веря своим глазам. – Кто ты?

Сейвина осторожно приспустила свой капюшон на плечи, чтобы Велибор мог увидеть ее лицо. Мгновение он взирал на нее широко распахнутыми глазами, не в силах вымолвить ни слова: от ее красоты даже сейчас, когда он уже ничего не ждал от жизни и пребывал на самом дне своих физических и эмоциональных сил, у него перехватило дух.

– Ты... человек! – выдохнул он облегченно, но все же с подозрением, – как же ты сюда попала? Не говори мне, что ты на стороне чернокнижника, не говори, что он уже живых заманивает на свою сторону! – от мысли этой он разгневался.

– Нет, – она покачала головой, – я не совсем человек. Велибор, я родом из... Баллии. Имя мое – Сейвина, – отрезала она, навсегда закрывая путь назад, к неведению. Она взглянула ему прямо в его честные, открытые глаза.

– Это невозможно, – он глядел ей в глаза недоверчиво несколько мгновений, а потом начал смеяться, нет, вернее, хохотать, он хохотал до тех пор, пока сам не напугался своего странного веселья. Сейвина стала с опасением смотреть по сторонам, боясь, что он привлечет внимание стражников. Но он резко успокоился и вновь посмотрел на нее, изучая ее всю, с ног

до головы. – Баллии не существует, это сказки, которыми пугают в детстве. Зачем ты на самом деле здесь?

Сейвина в ответ и бровью не повела.

– Пугают детей? – повторила она задумчиво. – Пожалуй, я этого не знала; с другой стороны, баллины когда-то представляли большую угрозу для жителей земли, это верно. И все-таки, значит ли это, что ты совершенно не веришь мне? Что скорее поверишь в то, что простая, ничем не выдающаяся женщина могла попасть незамеченной в замок тьмы? Или все-таки согласишься с тем, что это по плечу лишь существу со сверх способностями?

Велибор смотрел на нее пристально, пытаясь понять, что ему говорило его чутье. Что было разумнее? Или, вернее, что было безумнее?

– Предположим, ты не обманываешь, и ты действительно баллийка. – Осторожно стал рассуждать Велибор, – тогда что ты тут делаешь? Зачем пришла к человеку, которому жить осталось ой как недолго? Больше похоже на сон. Возможно, я теряю рассудок.

Их глаза снова встретились, и она немного смутилась: его зеленый взор весь светился от восхищения. Но от нее не могла укрыться серая бледность и сухость его скул, черные усталые круги под глазами. Он же смотрел на нее, и ему все более и более казалось, что она была баллийкой: ее красота была словно выкована из грез самой жизни и самой природы.

– Времени совсем нет, – тихо заговорила она, – поэтому лучше не тратить его на пустые сомнения. Ты знаешь, какая участь тебе уготована?

– Знаю, – сказал Велибор, хмурясь, – меня просветили давеча, когда я отказался писать мольбу о спасении в свой совет.

– Какую мольбу?

– Чернек сказал, что если я попрошу совет, чтобы они отдали ему южные горы, то меня просто казнят, но я отказался. Теперь они собираются обратить меня в себе подобного.

– Все верно. – отвечала Сейвина, – и сделают они это сегодня в полночь.

Велибора передернуло.

– Так скоро? – выдохнул он тяжело, еще не смирившийся, выходит, со своей участью.

– Почему ты не отдал южные земли Чернеку? – выпалила внезапно Сейвина, будто это обстоятельство взволновало ее более всего.

– А почему тебе важно знать это? – он нахмурился, – Да и почему я должен был соглашаться? Разве есть вера Чернеку и его словам? Он обманул раз, и обманет еще тысячи раз. И даже если и это было бы не так, как можно было бы согласиться? Если бы я пошел ему на уступки, я был бы другим человеком, слабым и ни на что не годным, говорящим людям идти на смерть каждый день, а сам ни разу не способный на то же самое. Что тогда было бы дальше? Открою тебе печальную правду жизни: человек, который каждый день дает себе обещания на завтра, но не выполняет ни одного из них сегодня, не выполнит их никогда; быстро пройдет вся его жизнь, но он никогда не станет тем, кем всегда хотел быть.

Сейвина нервно выдохнула. Он словно говорил то, что она хотела услышать, или же их мнения полностью совпадали. Она стала крайне подозрительной теперь, и готова была усомниться даже в себе и в своих умыслах, не говоря уже о ком-то другом. Однако нужно было выполнить то, для чего она проделала весь свой путь. Сейчас она никак не могла убедиться в искренности его слов. Точно так же, как и он в правдивости ее намерений.

– Велибор, – она начала и резко остановилась. – Я помогу тебе сбежать отсюда, чтобы ты смог вернуться в Радию и разбить чудь.

– Это безумие. Даже если ты высвободишь меня из темницы, далеко я не уйду, замок окружен тьмой умрунов. Я ценю твой порыв, но отсюда нет пути назад, не для меня точно. Позаботься лучше о своем спасении.

– Меня не нужно спасать ни от кого. А вот ты с моим артефактом станешь незримым, пройдешь и мимо стражи, и мимо войска. Они бросятся за тобой, но не смогут обнаружить тебя нигде – все их усилия будут пустыми.

– Почему ты это делаешь для меня? – спросил Велибор настороженно, – что движет тобой?

На лице Сейвины засветилась улыбка.

– Все так привыкли не доверять друг другу. Ты ждешь, что я назову тебе цену спасения? Ее нет. И когда-нибудь ты поймешь, что мною движет. Но не сейчас. – Слова Духовлада о том, что она делала это из скуки, теперь застряли у нее в голове и заставляли саму не верить в искренность своих высоких причин. Потому она решила не отвечать на его расспросы, чтобы не запутаться самой, и уж тем более, чтобы не спугнуть Велибора.

– Но постой, а как же ты? Этот артефакт будет действовать для нас обоих?

– Нет, он нужен только тебе.

– Почему?

– У меня здесь еще есть незавершенные дела, – ни на секунду не колеблясь, сказала она.

– Как же ты будешь здесь, всем зримой? Я не могу согласиться на это. Слишком опасно. Сейвина улыбнулась как можно более самонадеянно.

– У меня есть гораздо большая защита, чем этот артефакт. Баллинов нельзя убить. И потом, наша магия сильнее любой магии на земле; Чернек не страшен мне, о нет, только не он. – Скажи она ему правду, что уже почти не помнила заклинаний, и что дел у нее к Чернеку никаких не было, он бы ни за что не согласился бежать.

Она подошла к решеткам в двери.

– Нужно отпереть эту дверь.

– У тебя есть ключи?

– У меня есть кое-что получше, – промолвила она и достала из сумки ключ Скритека. Неказистый и громоздкий, по виду совсем не подходивший к замку, он отпер и эту дверь на глазах у изумленного Велибора. Сейвина вручила ему браслет солнца.

– Увижу ли я тебя когда-нибудь? – его подозрительность, казалось, на мгновение исчезла, и совсем другие переживания отразились на его мужественном лице. Она ощутила его смятение, и оно, словно по колдовству, тут же передалось и ей.

– Если встретимся, то, надеюсь, ты уже не будешь подозревать меня в злом умысле. – Она улыбнулась ему, и в глазах ее запрыгали опасные огоньки, от которых ему еще больше захотелось увидеть ее снова.

– Я нисколько не подозреваю... – начал было он смущенно, но Сейвина перебила его.

– Оставь, Велибор. Было бы странно, если бы ты в первую же встречу стал доверять мне. А теперь иди.

Велибор надел браслет и исчез, а Сейвина отвернулась. Ей казалось, она слышала, как шелестели его отдаляющиеся шаги и дыхание. Она вжалась в холодную каменную стену; в груди все пылало, и она уже точно знала, что пропала, совсем пропала, без единого намека на спасение. Сейвина не имела ни малейшего представления, что было впереди, у нее не было никакого более замысла; она знала только, что нужно будет сделать все возможное и невозможное, чтобы остаться на земле и никогда не возвращаться в Баллию.

Глава четвертая

Проснувшись, Сейвина поняла, что после ухода Велибора она задремала прямо там, перед его темницей. Она с ужасом поняла, что уже прошло много времени, и она не успеет скрыться до того, как все узнают о том, что Велибор бежал. Она стала осторожно красться ближе к выходу. Уже наступала ночь, и даже немногие умруны в камерах дремали; что касалось

скелетов в других камерах, они спали уже давно. За углом одного из темных коридоров стояли стражники так же, как и давеча. Ей показалось, что мертвецы дремали; все мертвецы, что служили в замке, были из тех, гниение которых Чернек остановил магией, потому их сознание было почти не замутнено, мозг был почти нетронут. Умуны же снаружи были так давно захоронены, что их мозг был съеден гниением, они не годились для службы, только для битв.

Сейвина легкой поступью прошла мимо стражников; они не колыхнулись. Она пошла дальше. Таким же образом она проскользнула и мимо самых первых стражей. Как только она вышла из темниц, до нее донеслись звуки чьих-то шагов; она быстро спряталась за болотными шторами длинного коридора. В темноте краем глаза она заметила большую фигуру Зорана; с ним было несколько других вурдалаков. Они направлялись напрямик в подземелье; значит, наступила полночь, и было слишком поздно. Сейчас у нее не оставалось возможности спрятаться в какой-либо повозке и незамеченной проехать в Васильковский город: любая повозка будет подвергаться нескольким обыскам перед тем, как покинет замок, да и вряд ли кто-то вообще выйдет из замка теперь, разве что не в поисках бежавшего пленника. Она судорожно думала о том, что ей делать и как поступить, но ничего придумать не могла. И все же, решив, что нужно было все равно попробовать выбраться, Сейвина осторожно выплыла из-за штор и стала быстро передвигаться вдоль стены в сторону главного коридора, ведущего к выходу во внутренний двор. Для этого ей нужно было пройти через коридор, выходящий на палаты Зорана. Она спешила, как могла, но уже через несколько минут услышала топот сапог со всех сторон: была поднята тревога и стражники обыскивали все помещения. Она вновь укрылась в шторах: от волнения у нее стало покалывать в пальцах, немного леденели руки, дрожали колени. Ряды умрунов и вурдалаков пронесли мимо нее с тяжелым грохотом и пыхтением, как шквал камней при обрушении гор: она осталась незамеченной и сейчас. Сейвина осторожно высунулась из-за штор и снова быстрыми перебежками от окна к окну устремила к выходу. Когда она проходила по коридору, выходящему на палаты Зорана и Ружаны, она из-за яростного стука собственного сердца чуть не пропустила тяжелые шаги Зорана: оказалось, он шел вслед за ней и нагонял ее. Она быстро скакнула и спряталась за штору; Зоран прошел мимо, так и не заметив ее, он был зол, лицо почернело, скулы были сведены; не хотелось ей сейчас попасться ему в руки. Она облегченно закрыла глаза, когда он отдалился; затем, взяв себя в руки, она сделала шаг наружу.

Пройдя немного вперед, Сейвина вздрогнула: прямо перед ней словно из оконного стекла выплыл белый блик вытьянки; такое прелестное несколько часов назад лицо сейчас было искривлено гримасой, словно по нему прошли раскаленной кочергой.

– Так вот оно что! – взвизгнула она, – я знала, что кто-то чужой бродит по нашему замку, я почувствовала твое присутствие!

Сейвина в ужасе застыла перед Ружаной. Если уж с кем действительно не стоило ей встречаться, так это с неуравновешенной вытьянкой.

– И как же ты пробралась сюда незамеченной, а? Пришла умолять правителя тьмы сделать тебя бессмертной? Хочешь стать вурдалаком? Не выйдет! Ни за что не позволю тебе заполучить столь просто такой дар! – она хохотала, как полоумная. Вдруг Ружана замолчала и вся переменялась: не смеялась она уже, а уж очень подозрительно улыбалась, словно радуясь чему-то.

– Напрасно обвиняешь меня, – отвечала спокойно Сейвина, – вурдалаком не хочу становиться я. Я совсем по другой причине здесь, но поведать о ней я смогу лишь твоему правителю.

– Разумеется, разумеется, – улыбаясь, отвечала Ружана, – пытаешься отрицать свой замысел; думаешь, так легко провести меня? Я не допущу тебя до Чернека! – она вытянула свои худые прозрачные руки и стала медленно плыть к ней, красивое лицо ее наполнилось ненавидящим завистливым блеском.

– Не стоит этого делать. – Сейвина сделала шаг назад. – Ты же не знаешь, кто я!

Ружана, не слушая ее, раскрыла широко рот и закричала самым высоким писком, который вынудил Сейвину схватиться руками за уши, пытаясь укрыться от этого раздражающего все внутри звука. Ружана летела к ней все ближе, а Сейвина не в силах была пошевелиться, как под заклинанием. Вдруг из-за угла выбежал Зоран.

– Ружана! – гневно выкрикнул он, – Ружана, остановись!

Вытьянка резко замолчала и оглянулась на своего возлюбленного; все в ней вдруг переменялось, и она уже виновато опускала глаза под недовольным взглядом Зорана.

– Что ты делаешь? Кто это с тобой? – строго спросил он, подойдя к Ружане и Сейвине, которую все еще мутило от крика вытьянки; она стояла, держась за уши и не могла пошевелиться.

– А она сильная, не выпрыгнула сразу, как некоторые, – кивнула головой вытьянка на Сейвину и хохотнула. – Посмотри, человек пробрался в замок незамеченным.

– Как она сюда попала?

– Пряталась за шторами, тут я ее и заметила. Меня не проведешь, я еще давеча поняла, что сегодня что-то неладное творится.

Сейвина выпрямилась и посмотрела прямо в строгое и злое лицо Зорана.

– Я бы хотела поговорить с Чернеком. – Выдавила она из себя как можно спокойнее и ровнее. Самообладание начинало возвращаться к ней.

– Уж будь уверена, к нему ты попадешь первым делом, – усмехнулся Зоран, – человек, появившийся в замке в тот же вечер, что исчез Волибор, – тебя ждет очень пристрастный разговор.

Он схватил Сейвину за руку и начал было обыск, как Ружана взвизгнула:

– Не трогай ее!

– Может тогда сама общешься ее? – Зоран гневно ответил ей, теряя терпение.

Вытьянка умолкла и отступила. Он продолжил обыск. Сумка с артефактами и изумила, и обрадовала его одновременно. Заинтересовался он и ее булатом, долго рассматривал его на лунном свете.

– И кто же это мог оказаться в Замке Тьмы, напичканный древними реликвиями, в тот же день, что Велибор сбежал? – спросил он, пытливо глядя на Сейвину. Он довольно улыбался; давешняя неприятность с Велибором теперь могла окупиться тем, что он приведет к правителю загадочную пленницу, раскрыв, тем самым, тайну побега полководца.

Сейвина в ответ лишь усмехнулась. Нужно было выиграть время, придумать самую правдоподобную ложь, какая только могла быть уместна, до того, как ее заставят говорить перед Чернеком.

– Ну что ж, – сказал Зоран, продолжая ухмыляться, – молчание здесь бесполезно: кто бы ты ни была, ты не у себя дома, и очень скоро мы узнаем все, что хотим знать.

Зоран рукой указал ей путь. Ружана поплыла позади от них, следя за каждым движением Зорана; Сейвина, обернувшись, поймала на себе тяжелый взгляд вытьянки, преисполненный то ли жгучей ненавистью, то ли глубочайшей завистью, то ли всем сразу.

Когда они вошли в палаты Чернека, Ружана за ними не последовала. У Чернека в уже собрались Ростих и Лесьяр, а также несколько других вурдалаков; они горячо обсуждали побег Велибора.

– Я считаю, нужно все силы бросить на его поиски! Он опасен, этот человек чертовски опасен. В этих условиях мы не можем сейчас идти на юг! – гремел Ростих.

– Что может один человек? – спокойно, но твердо говорил Лесьяр, убаюкивая слух, – мы не должны поддаваться смятению. Мы бросим несколько отрядов на его поиски, распределим их в разные стороны. Они прочешут всю окрестность, если он в пределах нашей земли, мы найдем его.

– Как вообще он мог сбежать? – спросил кто-то из толпы вурдалаков. – Наши стражи настолько не годятся для службы? Как мы пойдем на войну с такими воинами? Нам не нужны эти бесполезные трупы, нам нужно настоящее оружие, как наша Ружана!

– Позвольте! – прервал его князь Чернек ледяным голосом, – не говори плохо о мертвых, Невзор. По-вашему, я очень живой? Да и ты, по одному моему слову, станешь не очень-то живым, не забывай об этом. То, что ты стали вурдалаком, а не упырем – мое одолжение, а не твоя заслуга.

Невзор нервно замолчал под уничижающим взглядом Чернека; от Сейвины не укрылось и то, как передернуло Зорана при упоминании имени Ружаны; сколько бы хлопот и волнений она ни приносила ему, он все равно стремился защитить ее и на деле, и в каждом своем помысле.

– Разрешите доложить! – тут только все оглянулись в сторону дверей и увидели Зорана и стоящую рядом с ним Сейвину: от ошеломления кто-то даже присвистнул. Страшным был взгляд Чернека, но она держала его, не опуская глаз. – Первое: обстоятельства исчезновения Волибора. Дверь была отперта ключом; при этом стражи свои ключи не теряли. По всей видимости, дверь была отворена магическим ключом. – Тут он поднял ключ Скритека так, чтобы все увидели его. – Второе: я обнаружил человека в коридоре перед палатами, обыскал, затем привел сюда. При обыске я и нашел вот этот ключ. А еще несколько иных вещей – и он высыпал на стол артефакты из сумки Сейвины. Туда же положил и ее древний булат.

Все не сводили глаз с Сейвины, ей казалось, что кто-то из вурдалаков того и гляди вцепится ей в горло. На неприятном зеленоватом лице Чернека были сведены брови, глаза сверлили ее, и все же он первым опомнился; он оторвал от нее взор и стал изучать ее реликвии. Если поначалу ему казалось, что он сейчас докажет всем, что это безделушки, ведь девчонка не могла владеть ничем ценным, то сейчас, чем больше он видел, тем в большее недоумение приходил. Артефакты не могли принадлежать человеку, каких бы почестей он не имел, тем более женщина не могла владеть ничем подобным.

– И кто же ты, если не человек? – мягко сказал он, – подойди сюда, – он протянул руку к ней, зовя к себе. Сейвина неохотно сделала шаг вперед.

– Я буду говорить, но буду говорить наедине, – твердо сказала она.

Вурдалаки загремели ядовитым хохотом, даже сам Чернек не смог сдержать снисходительной улыбки.

– Удивительная самонадеянность для столь юной особы, – сказал он. – И с чего это я буду разговаривать с ребенком с глазу на глаз? Говори, кто ты, как здесь оказалась и какое отношение имеешь к побегу этого несчастного?

– Правитель тьмы, ты получишь свои ответы, но не при посторонних. – Чернеке, давно разучившийся поддаваться впечатлениям, совершенно безучастно взирал на нее.

– Я не буду тратить с тобой время! – взревел он вдруг, приближаясь к Сейвине.

Чернек подошел к ней вплотную, нависая над ней. Его страшный пронзительный взгляд вперился в ее глаза. Он смотрел на нее пристально несколько мгновений. Любопытство, однако, взяло вверх, и он внезапно схватил ее за руку и поднял ее вверх, облачая ее белый локоть из-под платья.

– Твоя кровь! – прошептал он, внимательно взирая на ее руку, – она светло-голубая! Все вокруг вздрогнули.

– Что это значит? Кто перед нами? – слышались голоса со всех сторон. Даже Зоран был в смущении: никто здесь не знал истории эпох, и не ведал о появлении первых баллинов на земле.

– И красива ты слишком для человека. – пробормотал князь Чернек, отпуская ее руку.

Напряжение росло, многие пытались вспомнить хоть что-то, что подсказало бы, с кем они имеют дело. Чернек продолжал смотреть глубоко в глаза Сейвины, будто пытаясь предвидеть, какие опасности она могла принести за собой.

– Все вон, – тихо сказал он.

– Что, простите? – прошептал Лесьяр ему в ухо.

– Все вон! – взревел Чернек, отчего Сейвина сделала шаг назад. – Все, кроме девчонки. – Вурдалаки быстро исчезли из комнаты, оставив в середине зала Сейвину и склонившегося над ней Чернека. Он взирал на нее теперь скорее с любопытством и опасением. – Как твое имя?

– Сейвина.

– Сейвина, – повторил задумчиво он, – Сейвина. Не припомню. Из новорожденных?

– Нет, из первых, – его познания о древних временах немного удивили ее.

– Странно, мне казалось, я изучал имена всех перворожденных баллинов, но твоего не помню. Сядь, – он рукой указал на длинный стол.

Сейвина осторожно подошла к тяжелому дубовому столу и села на стул. Князь Чернек сел прямо напротив нее и стал разглядывать ее при более ярком свете свечей; она разглядывала его в ответ, пытаясь не думать о том, как ужасно было быть живым и мертвым одновременно, со здравым умом и светлой памятью, но с полугнилой плотью. Как же закономерно было его желание остановить рассвет темной пылью туч, искоренить зеленую жизнь полей черной золой упадка, изъять из душ живых любые зачатки чувств и наполнить их ненавистью и страхом. Увядание всего живого вокруг призвано было оттенить увядание его собственного тела и духа.

– Где Велибор? Я хочу, чтобы ты вернула его так же, как похитила. – Заговорил он, перебивая ее мысли.

– Не получится. Он скрылся благодаря одному из моих артефактов, и вернуть его обратно вы сможете, лишь отобрав у него этот артефакт. А для этого вам нужно будет сначала отыскать Велибора. – Она видела, что ответ разозлил Чернека еще больше, но он все же пока что сдерживал себя.

– Что же, тогда примени свою магию, чтобы разыскать его.

– А разве существуют такие заклинания? – как будто удивилась Сейвина. – Никогда не слышала о подобной магии.

– То есть ты отказываешься выполнить мой приказ, несмотря на то, что стала моей пленницей? – грозно спросил Чернек.

– Я не отказываюсь, – как можно ровнее отвечала Сейвина, справляясь с приступом страха. – Просто это невозможно.

Чернек вскочил из-за стола и стал быстро ходить по комнате, не скрывая своего бешенства. Вдруг он резко подскочил к столу напротив нее и, уставившись кулаками в стол, наклонился над столом, чтобы нависнуть над ней:

– Тогда начнем с начала: почему баллины послали тебя? Для чего сие вмешательство? Вы что, решили выступить на стороне Ради? О вас не было слышно тысячи лет, и вот вы решили появиться теперь! Почему теперь? Почему?! И почему они послали ко мне женщину: что, у баллийцев не осталось настоящих воинов? Вы будто не знаете, какова участь женщин, попавших ко мне в плен? Что за игру вы затеяли?!

Сейвина молчала, судорожно думая о том, как его обмануть. Как давно она не лгала так по-крупному, ей казалось, только она начнет говорить, он сразу раскусит ее. Никакая ложь, казалось, не складывалась в единую картину.

– Ты боишься меня! – внезапно просиял Чернек. – Твое белое лицо покрылось красными пятнами, ты почти дрожишь, – продолжал он, радуясь своему открытию, – ты ничего не можешь сделать против меня, не так ли? Не знаешь, как выбраться из плена теперь, ибо твоя магия слаба, и вся твоя сила была в артефактах! Ну разумеется, если бы ты знала заклинания, ты бы не сидела здесь, не так ли?

Сейвина молчала, понимая, что ей нечего возразить.

– Зачем же баллийцы послали столь слабую особу на спасение Велибора? Или ты среди них самая сильная?

– Нет, не самая сильная, – наконец-то выдавила она из себя, – далеко не самая сильная.

– А я думаю, что ты лжешь, – перебил ее Чернек, – ваша баллийская магия давно изжила себя, потому вы и не вмешивались в людские дела. О вас все благополучно забыли и перестали почитать. И это просто-напросто жалкая попытка что-то сделать для рода человеческого.

– Попытка, быть может, и жалкая, – ответила Сейвина, пытаясь подкупить его своей честностью, – но в остальном ты не прав. Магия баллинов как никогда сильна.

Чернек улыбнулся, не слушая ее.

– Знаешь, что это означает?

Сейвина вскинула брови, недоумевая.

– То, что я могу сделать с тобой все, что захочу. И никто не мне не помешает. Я выпытаю из тебя признания, в которых ты мне отказываешь моими любимыми методами.

По телу баллийки побежала дрожь. Магия Деяны могла сыграть с ней скверную шутку теперь: знала ли сама настоятельница об этом? Духовлад не узнает, что она в опасности, и никто не узнает. Помощи было ждать не от кого.

– В таком случае мне ничего не остается, как сказать правду. – Сейвина выдавила из себя решительно, – знакомо ли тебе имя Духовлада?

– Правитель неба? – спросил Чернек, сомневаясь.

– Он самый. А имена Духовлад и Сейвина по-прежнему не говорят тебе ни о чем?

– Сейвина... Сейвина... – Чернек внезапно вспомнил, делая шаг назад от стола – ты хочешь сказать, что ты и есть та самая Сейвина, что вступила в брачный союз с правителем неба?

– Он по-прежнему самый могущественный из всех существ, – быстро заговорила Сейвина, – Он может уничтожить всю землю, не оставив никого в живых или мертвых...

– И где же теперь правитель всего? – засмеялся Чернек, – к чему пугать меня тем, кто до сих пор не заступился за тебя? Быть может, вы давно разругались, и он будет рад, если ты сгинешь в этих стенах!

– Он просто не знает, что я здесь, – продолжала Сейвина, – на меня наложено заклинание, мое расположение, мои действия сокрыты от него. Ты можешь подвергнуть меня пыткам, можешь уничтожить, все, что захочешь – но! Расплата будет. Духовлад все равно узнает, если со мной что-то случится, и тогда он не пощадит никого. Ты можешь верить мне или не верить, но совершенно списывать правителя Баллии со счета нельзя.

Чернек вновь навис над ней, пристально изучая ее лицо, выражение ее глаз, губ, звуки ее голоса.

– Это что-то любопытное, – заговорил он внезапно вкрадчивым голосом, – ты сбежала от супруга, скрылась от его очей, а он пойдет следом и будет мстить за тебя? Вы, похоже, рассорились; не думаю, что мне стоит его бояться.

– Даже если бы и поссорились, разве это отменяет привязанность? Даже если он прямо сейчас в Баллии злится на меня за мой побег, разве обрадуется он моей жестокой смерти?

Чернек внимательно смотрел на нее, будто оценивая теперь не только правдивость ее слов, но и всю ее. Сколько благ или невзгод она могла принести ему? В такие минуты он всегда жалел, что не был глуп, как Ростих, и что мог предвидеть слишком многое наперед. Будь Ростих на его месте, он бы уже пытал пленницу, а быть может, уже бы и совсем расправился с ней. И только после столкнулся бы со всеми последствиями, искренне удивляясь им и ничуть не сожалея о преждевременном истязании пленницы. Ведь он действительно был слишком недалеким, чтобы предвидеть эти самые последствия. Быть может, ему бы повезло, и гибель Сейвины ничего бы не повлекла бы за собой. Но Чернек не был ни глупым, ни близоруким.

Они сидели в зловещей тишине, и недоверие Чернека куда-то уходило; он смотрел в зеленые глаза Сейвины, на ее пышные черные волосы, и думал о том, что совсем не эта ее точеная красота делала ее такой непохожей на любую другую женщину. Что-то было во всем ее облике в целом, такое пронзительное и необратимое, что-то, столь не похожее ни на одно заклинание на свете.

– Если мои глаза не обманывают меня, я смогу договориться с Духовладом об очень большом выкупе. Было бы глупо не воспользоваться такой удачей.

– Чтобы собрать еще большее войско, еще больше оружия?

– Разве я сказал, что не нужен выкуп золотом? – оборвал ее резко Чернек, дав понять, что это уже не ее дело.

– Означает ли это, что я в плену?

– В плену? – засмеялся Чернек немного снисходительно, – к твоему счастью, тебе пока не придется вкусить прелести настоящего плена Темного замка. В плену! Кости замученных людей, что валяются в подземельях, только они знают, что такое – быть узниками Чернека. Нет, ты будешь моей гостьей. В твоих интересах, чтобы все, что ты мне поведала, оказалось правдой. В противном случае, – рука его сжалась в кулак, но затем снова разжалась, – в противном случае... даже баллины могут страдать!

Сказав это, Чернек встал, подошел к выходу и позвал Зорана. Вскоре Зоран отвел Сейвину, теперь словно гостью, в ее покои, поставив только около ее дверей вурдалаков-стражников. Оставшись в одиночестве в большой комнате с большой деревянной кроватью с перинами и небольшим столиком, она подошла к узкому окну, за которым таилась черная ночь и тонкой рваной полоской горел горизонт вдаль. Где-то там, за пределами темных земель, занимался рассвет, думала Сейвина, и Велибор уже должен был проходить через пустой погост, через клик воронов, под сверлящими глазами молчаливых коршунов. Скоро он будет в безопасности. Пусть она запуталась окончательно в том, что могла и не могла, в том, что хотела и не хотела, в том, на что она была готова, а на что – нет. Пусть сегодняшний день začínался намного темнее, чем она надеялась, а завтрашний – был несбыточным, она не могла не думать, не переживать о путнике, бредущем по выжженным полям на войну. Сейвина смотрела в окно, словно пытаясь увидеть что-то вдаль, но даль лишь глядела на нее в ответ бездонными черными глазницами.

В последующие ночи Чернек спал плохо; то и дело просыпался, вслушивался в ночную тишину, изредка прерываемую криками, доносившимися от войск за стенами замка; вслушивался в свое собственное дыхание и биение сердца, которого не было. То и дело ему казалось, что уже началась война, и он командует огромными войсками, и при каждой своей команде он переворачивался и немного просыпался. Вконец измученный, он вставал ранним утром и подходил к окну; подолгу глядел он на раскинувшиеся земли и то, что лежало за ними, пусть оно и было покрыто мраком. Все, что было за горизонтом, должно было стать его: он долго к этому шел, много часов провел над древними рукописями и свертками, раскопал и разорил множество усыпальниц древних волхвов, чтобы найти отголоски единичных заклинаний. Изучал алхимию, ставил много опытов, добывал материалы по крупице, никому не жалуясь, никогда не жалея себя.

Не всегда у него было столько приверженцев, столько земли, такой богатый замок. Знал он намного худшие времена, когда не был уверен в том, доживет ли до завтра, не отрежут ли ему голову крестьяне, то и дело пытавшиеся отловить его в болотах ли, в лесах, в горах ли – где он только ни жил, пытаясь найти безопасное место. И он был совершенно один, никто ему не помогал, ни советом, ни делом. Тогда он только стал живым умершим, и долгое время очень сильно страдал от этого своего нового состояния, пытался даже убить себя повторно, резал вены, но только ничего не помогало. Страдал скорее не от новых физических ощущений, а больше страдал оттого, что никак не мог принять себя таким, мертвым; он был противен себе,

он понимал, почему его ненавидели и пытались уничтожить люди. Он знал, разумеется, что лишь отрезанная голова могла наверняка стать его кончиной, но у него не было сил и воли так поступить с собой, а крестьянам он не давался из принципа, а также оттого, что предчувствовал пытки и поджаривание на костре. Тогда ему было так обидно все это гонение, потому что он никогда не причинял вреда ни крестьянам, ни другим людям. Он лишь пытался выжить, изредка подворовывая у разных домов пищу. Гонимый всеми и отовсюду, тогда-то он и решил, что нужно было что-то менять: пусть у него ничего не было, он знал наверняка, что ему нужно было более всего – знания. Он искал знания во всем, в могилах, гробницах, постепенно накапливая заклинания смерти, пока наконец не нашел заклинания обращения мертвых в полуживых. Тогда у него стали появляться первые приверженцы, мертвые, у которых не было надежды вернуть прежнюю жизнь, оттого они были преисполнены жадой украсть жизнь у тех, кто ею еще обладал, у тех, кто презирал их и им подобных.

Но все эти события были ничтожны по сравнению с тем, что произошло с ним позднее – в одной из усыпальниц он наткнулся на спящего многие годы вурдалака – так он обнаружил новые силы, гораздо более могущественные, чем его умруны. Вурдалаки легко обращали людей в себе подобных, однако же, опасаясь состязания, Чернек ограничил их возможности по обращению, благо сила его магии и умений уже позволяла ему это – некоторые его заклинания могли вмиг уничтожить любого вурдалака. Вместе с вурдалаками, быстрыми, как птицы, сильными, как мощные звери, и обладающими слухом и чутьем ищеек и следопытов, он захватил замок за Васильковым городом, принадлежавший знатному человеку, перебил всех, кто здесь проживал, воскресив часть людей в качестве умрунов, и стал местным правителем.

И вот теперь он сам создал заклинание, которое могло помочь ему разорить и захватить все земли на материке, из разных заклятий, соединенных вместе и преобразованных им. Это была его идея и его изобретение, потому тем более отраднее ему. Честолюбие его было безмерно, и он жаждал отмщения, отмщения за то, что жизнь когда-то обошлась с ним столь беспощадно.

И все же не о том думал он именно сейчас, ранним темным утром. Уже три дня прошло с тех самых пор, как Сейвина жила в соседних покоях, и за это время поиски Велибора оказались тщетными: если он и бежал через их пустоши, то он уже покинул их земли, потому отправлять за ним отряды далее смысла не было. Чернек должен был сейчас принять решение о том, изменятся ли его военные планы из-за побега столь сильного полководца или нет. В эти три дня он провел много советов, много военных раскладок рассмотрел вместе с вурдалаками, и наступало время принятия решения. Каждый вечер он заходил к Сейвине, пытаясь разговорить ее и узнать хотя бы что-то о Велиборе, но все было тщетно. Что с ней делать, он не представлял; за эти три дня она спокойно обитала в покоях, не предпринимая никаких попыток использовать свою магию, что лишь еще раз доказывало, что никакой магии она уже не знала или не помнила. Время все же шло, и он должен был принять какое-то решение, с самого начала он дал себе срок: эти три дня. Впереди была война в пустынях, жизнь в шатрах, и он никак не мог взять ее с собой. А теперь срок подходил к концу, но он так ничего и не придумал. Баллины не объявлялись, и выкуп было спросить не с кого.

В это утро он пришел в ее покои внезапно; Сейвина уже не спала, но сидела в кресле и смотрела в окно, за неимением другого занятия. Темные локоны ее волос струились по плечам, она распустила их сегодня, заметил он. Может быть именно это, или что-то другое в ее облике или стане преобразило ее сегодня: она была необыкновенно величественна, и лицо ее было покойно, а взгляд отстранен, будто ум Сейвины был занят великими делами. Чернек смотрел на нее сейчас и все больше убеждался в том, что она настоящая повелительница Баллии, и не было в ее словах ни капли неправды о ее славном имени.

Чернек подошел поближе и сел на кресло прямо напротив Сейвины, в одном локте от нее; она сразу спрятала книгу и посмотрела на него выжидающе. Не в первый раз он так долго и

пристально смотрел на нее, не говоря ни слова, потому ей было не привыкать; он переносился куда-то далеко в свои мысли в такие моменты. Через какое-то время она все-таки прервала молчание:

– Я бы хотела узнать, когда меня отпустят? Не то чтобы меня не устраивает гостеприимство замка тьмы, просто мне здесь, как бы это сказать лучше, уж очень жутковато.

– Велибор не найден, а баллины так и не пришли за тобой. Без выкупа я тебя никуда не отпущу. Может, стоит снять заклинание, чтобы тебя отыскали? С баллинами я еще не торговался, очень не терпится.

– Заклинание не мое, я не знаю, как его снять.

– Так значит, у тебя есть союзники? Кто они? – Чернек, казалось, хватался за любую возможность, чтобы вывести ее на чистую воду.

– Они слишком далеко, я не смогу к ним обратиться. – Уклончиво ответила Сейвина.

– Это занимательно, – пожал плечами правитель Темного замка, – вот чем больше дней проходит, тем больше я начинаю склоняться к мысли, что никто тебя и не собирался разыскивать. А это развязало бы мне руки. Я не держу живых пленников слишком долго. Тем более теперь, в столь беспокойные времена.

– Позволь спросить, правитель, – перебила его Сейвина внезапно, будто все это время она думала о своем, почти не слушая его. – Откуда у тебя заклинания перемещения и видения? Столь мощная магия еще не являлась людям.

– Быть может, люди плохо искали. В усыпальницах богатых людей и их окружения можно очень много увлекательных вещей найти.

– Никто не передавал тебе их, не продавал? – продолжала свой пристрастный расспрос Сейвина.

Чернек вновь пожал плечами.

– Скорее наоборот, ко мне обращаются сильные мира сего, чтобы купить заклинания. Но я такими вещами не размениваюсь. А кто должен был ко мне обратиться и предложить свою магию?

– Да нет, я просто поинтересовалась, – Сейвина вспыхнула и торопливо заговорила. По лицу Чернека было видно, что он заметил ее смущение. – Уж очень непохожие на людские твои заклинания.

– Позволь и ты мне задать тебе подобный вопрос. Чем же тебе так не угодил Баллия? Я слышал, что это лучшее место на земле – нет ни забот, ни тревог, и жизнь проходит мимо войн за ресурсы и власть. Кто в здравом уме покинет столь радужное место?

– Да, именно так и есть все на самом деле. Видимо, я не совсем в здравом уме.

Чернек засмеялся, впервые за все время без тени самодовольства.

– Признаться, все это время меня раздрает любопытство: что ты могла забыть на этой земле, раздираемой смертью, болезнью, и бесконечными сменяющимися одна за другой войнами?

– Если правителю тьмы так опостытели войны и смерть, то зачем же ты сам разжигаешь войны? – Сейвина улыбнулась немного лукаво. – Всегда легко судить со стороны. Стоит лишь копнуть чуть поглубже, и окажется, что ты сам, будучи в шкуре другого существа, не поступил бы иначе.

– Ты так и не ответила на мой вопрос, однако! Хотя, не нужно, не отвечай: я и так вижу, что произошло. За несколько тысяч лет первый баллин снизошел до людей, и что же он пошел делать? Спасать человека от страшной расправы! Ты влюблена в этого ничтожного правителя Родограда настолько, что решила пожертвовать жизнью ради него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.